ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР
С ЭЛЕМЕНТАМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ФАНТАСТИКИ

ЧЁРНЫЙ АРХИВ

«Память может рассказать человеку, кем он был, но никогда не должна решать за него, кем ему быть.»

ПРОШЛОЕ НЕ ВСЕГДА УХОДИТ. ОНО ПРОСТО ЖДЁТ.

ЧЕЛОВЕК — ЭТО НЕ ДОКУМЕНТЫ И НЕ ВОСПОМИНАНИЯ О НЁМ.

ФЕДОР ПОЛЯКОВ

Федор Поляков
Чёрный архив

https://litres.ru/74687148
SelfPub; 2026

Аннотация

«Чёрный архив» - роман о памяти и идентичности, о цене попытки вернуть утраченное и о праве человека на собственную жизнь. Если воспоминания можно переписать, документы подменить, а прошлое восстановить в новой версии, остаётся ли что-то, что делает человека самим собой? И кто вправе решать, кому позволено жить?

«Чёрный архив» - психологический триллер с элементами интеллектуальной фантастики о тайнах личности, силе памяти и цене правды.

Иногда самое страшное открытие — не узнать, кем ты был, а понять, что кто-то уже решил это за тебя.

Содержание

Пролог. Человек на двадцать третьем этаже 5
Часть первая. Город, который никогда не спит 8
Глава 2. Девушка, которой не было в списках 13
Глава 3. Комната 7319 20
Глава 4. Отец 29
Глава 5. Девушка под номером 7318 32
Глава 6. Имя, которого нет 39
Глава 7. Женщина из палаты № 14 46
Часть вторая. Город мёртвых имён 53
Глава 9. Человек без прошлого 61
Глава 10. Третий 67
Глава 11. Город, который забыл себя 72
Глава 12. Старая библиотека 78
Глава 13. Первичная память 89
Глава 14. Комната без номера 96
Глава 15. Дом с синей дверью 106
Глава 16. Семнадцать лет назад 111
Глава 17. Человек за дверью 118
Глава 18. Лица одного человека 124
Глава 19. Мальчик в подвале 131
Глава 20. Право на существование 141
Конец ознакомительного фрагмента. 147

Федор Поляков
Чёрный архив

Роман

Некоторые города исполняют мечты. Другие сначала узнают твои секреты.

Пролог. Человек на двадцать третьем этаже

Нью-Йорк, 03:17.

Человек за окном не должен был там находиться.

Он стоял на узком карнизе двадцать третьего этажа, прижавшись спиной к чёрному стеклу небоскрёба. Ветер трепал полы его пальто. Внизу, на мокром асфальте Манхэттена, двигались крошечные жёлтые такси. Дождь стекал по фасаду здания, превращая город в расплывчатое полотно из света и тьмы.

В правой руке мужчина держал телефон.

На экране светилось входящее сообщение.

НЕ ОТДАВАЙ ИМ КНИГУ.

Он прочитал его дважды.

Затем медленно поднял голову.

На другой стороне улицы, в окне точно напротив, стоял кто-то ещё.

Человек в белой маске.

Он не двигался. Не пытался спрятаться. Просто смотрел.

Мужчина на карнизе попятился, хотя отступать было некуда.

Телефон завибрировал снова.

На этот раз сообщение было длиннее.

МАЛЬЧИК УЖЕ В ГОРОДЕ.

Мужчина побледнел.

— Нет, — прошептал он. — Только не он.

В окне напротив погас свет.

А через секунду изнутри здания, за спиной мужчины, донёсся тихий звук открывающейся двери.

Он обернулся.

В коридоре никого не было.

Только на полу лежал конверт, которого секунду назад там не существовало.

На конверте чёрными чернилами было написано имя:

МИХАИЛ ВОЛКОВ.

Мужчина уронил телефон.

И впервые за много лет закричал.

В 03:19 камеры наблюдения зафиксировали, как он исчез с карниза.

В 03:21 полиция получила анонимный звонок.

В 03:26 тело обнаружили на крыше соседнего здания — в четырёхстах метрах от места падения.

Его сердце остановилось ещё до удара о землю.

В кармане пальто нашли старый железнодорожный билет, фотографию неизвестного мальчика и ключ с выцарапанными на нём цифрами:

7319.

На следующий день дело закрыли.

Несчастный случай.

Так было написано в полицейском отчёте.

Но в 04:02 кто-то вошёл в здание полицейского управления, удалил записи с камер и оставил на столе начальника отдела одну фотографию.

На ней был изображён семнадцатилетний парень, который только что приехал в Нью-Йорк.

Под фотографией стояла надпись:

«Если он узнает, кем был его отец, город перестанет существовать в прежнем виде».

Часть первая. Город, который никогда не спит
Глава 1. Последний рейс

Михаил Волков всегда считал, что его жизнь начнётся по-настоящему в тот день, когда он уедет из Зареченска.

Зареченск был маленьким городом, затерянным среди лесов и холмов. Здесь знали, кто разбился на мотоцикле десять лет назад, кто изменял жене, кто получил наследство от дальнего родственника и кто по воскресеньям покупал слишком много хлеба.

Здесь ничего не происходило внезапно.

Даже если в городе случалось преступление, к вечеру о нём знали все.

Михаил ненавидел это ощущение — будто стены его собственной жизни медленно сдвигались, оставляя всё меньше пространства для будущего.

Ему было семнадцать. Он мечтал стать криминалистом, раскрывать сложные преступления и однажды возглавить отдел расследований, о котором будут писать в газетах. Он читал судебные отчёты, разбирал старые дела, изучал поведение преступников и мог часами рассматривать фотографии мест происшествий, замечая детали, которые другие пропускали.

Но была у него и другая особенность.

Михаил замечал, когда люди лгали.

Не всегда. Не по каким-то сверхъестественным причинам. Он просто запоминал мелочи: человек говорил одно, но смотрел в сторону; утверждал, что ничего не знает, но слишком быстро отвечал; называл событие неважным, однако сжимал пальцы так, что белели костяшки.

Он не считал себя гением.

Он знал, что наблюдательность ничего не стоит, если ты не умеешь проверять собственные выводы.

И всё же иногда ему казалось, что люди оставляют вокруг себя следы даже тогда, когда очень стараются их скрыть.

Отец Михаила исчез, когда мальчику было девять лет.

Однажды утром он ушёл на работу и больше не вернулся.

Не было ни записки, ни звонка, ни тела. Полиция провела несколько недель поисков, опросила знакомых, проверила вокзалы и больницы. Потом дело постепенно перестали обсуждать.

Мать говорила, что отец, вероятно, погиб.

Но каждый год в день его исчезновения она запиралась в комнате и плакала.

А когда Михаил спрашивал, почему они никогда не переезжали, она отвечала:

— Потому что некоторые люди должны знать, где тебя найти.

В детстве эта фраза казалась ему бессмысленной.

К семнадцати годам эта фраза начала его пугать.

За три недели до отъезда Михаил нашёл в старом отцовском пальто фотографию. На ней отец стоял рядом с незнакомым мужчиной возле огромного здания с часами над входом.

На обороте было написано:

НЬЮ-ЙОРК. 14 ОКТЯБРЯ. 02:13. НЕ ДОВЕРЯЙ ЧАСАМ.

Фотография была сделана за два месяца до исчезновения отца.

Михаил никому её не показал.

Он отправил документы в колледж в Нью-Йорке, получил место в программе по криминалистике и потратил почти все накопления на авиабилеты с пересадкой в Москве и на первые недели проживания.

Мать узнала об отъезде только за день до вылета.

— Ты не можешь вот так взять и уехать, — сказала мать. Она стояла у кухонного стола, сжимая край полотенца. — Не предупредив. Не поговорив со мной по-настоящему.

— Могу. Мне семнадцать.

— Семнадцать — не значит, что ты готов ко всему, что тебя там ждёт.

— А здесь меня что ждёт? — Михаил старался говорить спокойно, но голос всё равно сорвался. — Ещё год делать вид, что папа просто задержался на работе?

Мать вздрогнула, будто он ударил её. Полотенце вы-

скользнуло из пальцев и упало на пол, но она даже не посмотрела вниз.

— Ты правда думаешь, что я держу тебя здесь потому, что хочу испортить тебе жизнь?

Михаил отвёл взгляд. Он хотел ответить «нет», но это было бы неправдой. И всё же сказать «да» он тоже не мог.

Мать подошла к окну. За стеклом медленно падал снег.

— Твой отец тоже решил, что правда важнее всего остального, — сказала она. Голос у неё стал тише. — А потом однажды утром я проснулась, а его не было. Ни записки. Ни звонка. Даже не с кем было попрощаться.

Михаил почувствовал, как холодеют ладони.

— Какую тайну он искал? — спросил Михаил. — Мам, пожалуйста. Хоть что-нибудь.

Мать долго молчала, глядя на тёмное окно. В стекле отражалось её лицо — усталое, незнакомое, словно за эти годы она постарела не на восемь, а на двадцать лет.

— Если увидишь человека в белой маске, уходи. Не разговаривай с ним, не пытайся разглядеть лицо. Просто уходи.

— Мам, ты меня пугаешь. Что это за человек?

— Пообещай мне.

— Я не могу обещать то, чего не понимаю, — сказал он. — Ты просишь меня бояться человека, которого я никогда не видел.

Она резко обернулась. В глазах стоял страх — настоящий, неприкрытый, и Михаилу стало не по себе сильнее, чем от

любой угрозы.

— Тогда пообещай хотя бы одно: если с тобой случится что-то странное, не списывай это на совпадение. Даже если тебе очень захочется.

В папке рядом с паспортом лежали нотариально заверенное согласие матери на самостоятельный выезд, документы учебной программы, письмо о зачислении и авиабилет. Мать подписала согласие только после долгого молчания: она боялась отпускать сына, но понимала, что удержать его силой уже не сможет. Теперь решение принадлежало ему — и именно это пугало её сильнее всего.

В ту ночь Михаил почти не спал.

Утром Михаил отправился в аэропорт. Впереди были пересадка в Москве и долгий перелёт в Нью-Йорк — первый по-настоящему самостоятельный шаг в жизни, которую он так долго представлял себе. Он ещё не знал, что уже в зале прилёта за ним будут наблюдать.

Он не знал, что почти одновременно с его прибытием в Нью-Йорк неизвестный мужчина погибнет на крыше небоскрёба.

Не знал, что полиция найдёт фотографию с его лицом.

И не знал, что кто-то уже давно следит за его перемещениями.

Он думал, что едет навстречу собственной судьбе.

На самом деле он ехал по маршруту, который для него проложили семнадцать лет назад.

Глава 2. Девушка, которой не было в списках

Нью-Йорк встретил Михаила влажным воздухом, запахом авиационного топлива и горьковатым ароматом кофе из круглосуточной стойки терминала аэропорта имени Кеннеди.

Зал прилёта оказался огромным. Первые несколько минут Михаил просто стоял у выхода, наблюдая за потоком людей. Тысячи лиц. Тысячи историй. Пассажиры обнимались с родными, спорили у багажных лент, говорили по телефонам и спешили к выходу, даже не подозревая, что, возможно, никогда больше не встретятся.

Михаил достал телефон.

03:17.

Он нахмурился.

Электронные часы над выходом из зоны прилёта показывали 03:19.

— Странно, — пробормотал он.

— Что именно?

Голос раздался за спиной.

Михаил обернулся.

Перед ним стояла девушка лет двадцати пяти. На ней было длинное серое пальто, чёрные перчатки и красный шарф.

Светлые волосы были собраны под шапкой, а на лице застыло выражение человека, который уже давно не удивляется происходящему вокруг.

— Ничего, — ответил Михаил.

Девушка посмотрела на его телефон.

— Ты только приехал?

— А что, заметно?

— У тебя на лице написано, что ты думаешь, будто этот город что-то тебе должен.

Михаил усмехнулся.

— А ты всегда знакомишься с людьми таким способом?

— Только с теми, за кем следят.

Улыбка исчезла с его лица.

— Что?

Девушка не ответила. Она смотрела куда-то ему за плечо.

— Не оборачивайся, — сказала она тихо. — Чёрное пальто. Мужчина возле колонны. Он наблюдает за тобой с тех пор, как ты вышел из зоны прилёта.

Михаил почувствовал неприятный холод под рёбрами.

Он хотел посмотреть, но девушка схватила его за рукав.

— Я сказала, не оборачивайся.

— Кто ты такая?

— Потому что сейчас важнее, чтобы ты остался жив.

— Тогда почему я должен тебе верить?

Она достала из кармана маленькую фотографию и показала ему.

На снимке был его отец.

Михаил перестал слышать шум аэропорта.

Он видел только фотографию: отец, знакомый профиль, та же тёмная куртка, которую он носил в последний год перед исчезновением.

Но на этот раз отец стоял не возле здания с часами.

Он стоял рядом с девушкой.

С той самой, которая теперь держала фотографию перед Михаилом.

— Откуда это у тебя? — спросил он.

— Потому что твой отец спас мне жизнь.

— Ты знала его?

— Я знала человека, которым он был до того, как начал бояться собственного имени.

Михаил шагнул к ней.

— Что это значит?

— Не посреди аэропорта. Хочешь ответы — пошли.

— Тогда скажи, где.

Девушка оглянулась на мужчину в чёрном пальто.

Тот исчез.

Она побледнела.

— Чёрт.

Она схватила Михаила за руку и потащила к выходу.

Они выбежали из терминала к стоянке такси. Мужчина в чёрном пальто появился в стеклянных дверях позади них; он двигался быстро, не сводя с них глаз.

— В машину! — бросила Виктория, распахивая дверь свободного такси.

Она назвала водителю адрес старого железнодорожного вокзала. Машина вырвалась на дорогу. Михаил оглянулся: мужчина в чёрном пальто остался у терминала и не пытался их догнать.

Через полчаса такси остановилось у старого вокзала. Виктория расплатилась, потянула Михаила к служебному входу и провела через разбитую дверь в подземный переход. Там она остановилась перед серой дверью без ручки.

Она достала из кармана пальто тонкую металлическую пластину, провела ею по краю замка — и дверь щёлкнула.

— Заходи.

За дверью оказалась небольшая комната, заставленная старыми мониторами, коробками и картотечными шкафами. На стене висела карта Нью-Йорка, испещрённая красными линиями. Рядом находились фотографии людей, газетные вырезки и распечатки полицейских отчётов.

Михаил заметил одну деталь.

На всех фотографиях люди были обведены красным маркером.

Кроме одной.

Его отца.

Под фотографией стояла дата исчезновения.

И ещё одна надпись:

ОПЕРАЦИЯ «ЧЁРНЫЙ АРХИВ».

— Объясни, — потребовал Михаил.

Девушка заперла дверь.

— Виктория Соколова. До своего исчезновения мой брат работал в компании, которая собирала городские данные. Официально — транспорт, страхование, безопасность. Неофициально — следили за людьми, которым не следовало задавать вопросы.

— И что же?

— Они собирали досье. Не только на преступников — на судей, журналистов, полицейских, политиков. На любого, кто мог помешать нужным людям зарабатывать деньги.

— Это незаконно.

Виктория посмотрела на него с усталой усмешкой.

— Ты приехал в Нью-Йорк всего двадцать минут назад, а уже пытаешься объяснить мне, как устроен мир.

Она открыла один из шкафов и достала толстую папку.

— Твой отец работал с ними.

Михаил замер.

— Нет.

— Он помогал создавать систему. Потом понял, для чего её используют, и попытался уничтожить исходные данные.

— Ты лжёшь.

— Возможно. Но тогда объясни мне, почему за последние семь лет погибли трое людей, которые занимались его делом.

Она положила перед ним несколько фотографий.

Первый мужчина был найден в автомобиле на дне реки.

Вторая женщина погибла при пожаре в собственном доме.

Третий человек исчез из охраняемой гостиницы, не оставив ни одного следа.

На обороте каждой фотографии стоял один и тот же символ: чёрный круг, перечёркнутый тонкой вертикальной линией.

Михаил узнал его.

Он видел этот знак на старой папке отца, которую мать хранила в закрытом ящике письменного стола.

— Что это за организация? — спросил он.

Виктория посмотрела на него.

— Мы называем её «Обществом нулевого часа».

— Почему?

— Потому что люди, которые им мешают, исчезают так, будто их никогда не существовало.

Она выключила верхний свет.

На одном из мониторов появилось зернистое изображение улицы перед вокзалом.

Мужчина в чёрном пальто стоял у входа.

Он поднял голову, словно знал, что за ним наблюдают.

Затем медленно снял перчатку и приложил ладонь к стеклу камеры.

На экране возникло сообщение:

ВИКТОРИЯ. У ТЕБЯ ЕСТЬ ДЕСЯТЬ МИНУТ.

Она отступила от монитора.

— Как он узнал, что мы здесь?

Михаил не ответил.

Он смотрел на другую часть экрана, где отображалась запись из вестибюля вокзала.

В углу стояли электронные часы.

03:17.

Изображение замерло.

А затем на экране появилась новая строка:

МИХАИЛ ВОЛКОВ. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ДОМОЙ.

И впервые в жизни Михаил понял, что его отец, возможно, не просто исчез.

Возможно, он всю жизнь пытался спрятать сына от чего-то, что уже нашло его.

Глава 3. Комната 7319

Виктория не стала объяснять, почему на экране появилось имя Михаила.

Она выключила мониторы, достала из шкафа чёрную сумку и бросила её на стол.

— У нас мало времени.

— Ты постоянно это говоришь.

— Потому что на этот раз я не преувеличиваю.

— Кто эти люди?

— Люди, которые могут заставить исчезнуть целое уголовное дело. Люди, которым звонят судьи перед вынесением приговора. Люди, которые знают, что ты ел на завтрак, ещё до того, как ты сам это вспомнил.

Михаил молчал.

— И самое неприятное, — добавила она, — они не считают себя преступниками.

Виктория достала из сумки старый ключ.

Металл был потемневшим, а на головке отчётливо виднелись цифры 7319.

Михаил почувствовал, как кровь отливает от лица.

Это был тот самый ключ, который нашли в кармане погибшего мужчины на крыше небоскрёба.

Он видел фотографию ключа в одном из файлов на экране.

— Откуда он у тебя?

— Твой отец передал его моему брату за несколько дней до исчезновения.

— Где замок?

— На старом железнодорожном вокзале. Точнее, под ним.

— И что там?

Виктория помедлила.

— То, из-за чего твой отец исчез.

Они вышли через запасной тоннель и оказались на улице в нескольких кварталах от вокзала. Нью-Йорк постепенно просыпался. В окнах загорались огни, открывались кофейни, первые автобусы заполняли перекрёстки.

Виктория шла быстро, не оглядываясь.

— Ты можешь хотя бы сказать, почему помогаешь мне? — спросил Михаил.

— Потому что твой отец попросил меня.

— Когда?

— Семь лет назад.

— Но мне было десять!

— Я знаю.

— И ты всё это время знала, где я?

Она остановилась.

— Нет. Я знала, что ты существуешь. Я знала, что тебя скрывают. Но я не знала, где ты находишься, пока ты не купил билет в Нью-Йорк.

Михаил смотрел на неё, пытаясь понять, говорит ли она

правду.

— Как ты меня нашла?

— Ты отправил документы в колледж.

— И что?

— Колледж получил письмо от человека, который попросил подтвердить твою личность. Письмо было поддельным. Но запрос прошёл через систему, которую мой брат помогал создавать.

— То есть они узнали обо мне, когда я подал документы?

— Нет, Михаил. Они узнали о тебе задолго до этого. Подача документов просто подтвердила, что ты приехал.

Они добрались до старого вокзала незадолго до рассвета.

Здание давно закрыли для пассажиров. Его собирались реконструировать, но проект несколько раз откладывался. За ржавыми воротами темнели разбитые окна, а на стенах висели предупреждающие таблички.

Виктория достала фонарик.

Они прошли через служебный вход, спустились по лестнице и оказались в длинном коридоре, где пахло пылью и сыростью.

В конце находилась металлическая дверь с электронным замком.

Рядом не было ни надписей, ни ручки.

Только маленькая табличка:

7319.

Михаил вставил ключ.

Замок открылся.

За дверью оказался лифт.

Он был старым, с латунными кнопками и зеркальной стеной. На панели отсутствовали обозначения этажей. Были только цифры от одного до девяти и отдельная кнопка, на которой ничего не было написано.

Виктория нажала её.

Лифт пришёл в движение.

Михаил почувствовал, как закладывает уши.

Они спускались дольше, чем могли предположить размеры здания.

Наконец двери открылись.

Перед ними находился коридор с белыми стенами и мягким светом. Здесь не было ни пыли, ни ржавчины. Пол блестел, словно его только что вымыли. По обеим сторонам располагались стеклянные двери, за которыми стояли серверные стойки.

Михаил услышал низкий гул.

Где-то далеко работали десятки вентиляторов.

— Это невозможно, — прошептал он.

— Возможно, — ответила Виктория. — Просто никто не должен знать, что это существует.

Они прошли до конца коридора.

За последней дверью находилась комната, в которой стояли сотни металлических шкафов. На каждом была табличка с именем, датой рождения и номером.

Михаил подошёл к ближайшему.

ДЖОНАТАН РИД. 12.04.1979.

Он открыл шкаф.

Внутри лежали фотографии, документы, медицинские записи, копии переписок и распечатки банковских операций.

Всё, что можно было узнать о человеке.

Всё, что можно было использовать против него.

— Боже мой, — прошептал Михаил.

Виктория подошла к одному из дальних шкафов.

— Вот зачем им нужна система. Они не просто следят за людьми. Они собирают компромат, а затем решают, кого можно купить, кого нужно запугать, а кого следует убрать.

Михаил смотрел на ряды шкафов.

— Сколько их?

— По официальным оценкам моего брата, около сорока тысяч.

— Это же целый город.

— Нет. Это целая страна.

Он заметил шкаф, который отличался от остальных.

На нём не было имени.

Только чёрный круг и вертикальная линия.

Виктория попыталась остановить его.

— Михаил, не трогай.

Но он уже открыл дверцу.

Внутри лежала тонкая папка.

На обложке было написано:

МИХАИЛ ВОЛКОВ.

Он вытащил её.

Первая страница содержала фотографию его матери.

Вторая — фотографию дома в Зареченске.

Третья — школьные оценки Михаила, медицинские записи, копии его писем и даже заметки о разговорах, которые он вёл с друзьями.

Но последняя страница заставила его забыть, как дышать.

Это была фотография его отца.

Тот стоял перед зеркалом в какой-то комнате, держа в руках документ с собственной фотографией.

Под снимком находилась запись:

МИХАИЛ ВОЛКОВ — НЕ БИОЛОГИЧЕСКИЙ СЫН АЛЕКСАНДРА ВОЛКОВА.

Михаил медленно поднял глаза.

— Что это значит?

Виктория молчала.

— Я спрашиваю, что это значит!

Она отступила на шаг.

— Я не знала.

Михаил перевернул страницу.

Там был другой документ.

Свидетельство о рождении.

Дата — семнадцать лет назад.

Имя матери — неизвестно.

Имя отца — неизвестно.

И один номер дела:

00-7319.

В этот момент по всему помещению погас свет.

Раздался короткий сигнал.

Потом ещё один.

Красные аварийные лампы вспыхнули над дверями.

Из динамика донёсся спокойный мужской голос:

— Виктория Соколова. Пожалуйста, отойдите от шкафа.

Она схватила Михаила за руку.

— Бежим.

— Но…

— Сейчас!

Они бросились к выходу.

Двери за их спинами начали закрываться одна за другой. В коридоре включилась сирена. Где-то впереди послышались шаги.

Михаил прижал папку к груди.

Они добежали до лифта, но панель не реагировала.

Виктория ударила ладонью по кнопке.

— Открывайся!

Из динамика снова раздался голос:

— Михаил, не бойся. Мы давно тебя ждём.

Он застыл.

Голос был знакомым.

Он слышал его в детстве.

В старых видеозаписях, которые мать иногда показывала

ему по праздникам.

Это был голос его отца.

— Папа? — прошептал Михаил.

Виктория побледнела.

— Нет.

Голос продолжил:

— Ты должен открыть последнюю страницу.

Михаил посмотрел на папку.

Он не заметил, что в ней было больше страниц.

Они слиплись.

Он осторожно разъединил их.

На последней странице была фотография женщины, которую он никогда прежде не видел.

Молодая, темноволосая, с серыми глазами.

Она держала на руках младенца.

На обороте стояла дата.

День рождения Михаила.

И всего одна фраза:

ЕСЛИ ТЫ ЧИТАЕШЬ ЭТО, ЗНАЧИТ, ТВОЯ МАТЬ УЖЕ МЕРТВА.

Виктория закрыла ему рот ладонью.

Потому что в ту же секунду из-за поворота коридора вышел человек в белой маске.

Он держал в руке пистолет.

А за его спиной стоял мужчина, которого Михаил не видел восемь лет.

Его отец.
Живой.

Глава 4. Отец

Михаил не мог пошевелиться.

Мужчина выглядел старше, чем на фотографиях. Волосы поседели на висках, лицо стало худым, а возле левого глаза появилась тонкая белая линия шрама.

Но это был он.

Александр Волков.

Человек, который исчез, оставив девятилетнего сына ждать у окна.

— Папа…

Мужчина не улыбнулся.

— Отойди от неё, Михаил.

Виктория медленно подняла руки.

— Александр, я могу объяснить.

— Не сомневаюсь. Ты всегда умела объяснять.

Он смотрел на неё с такой ненавистью, что Михаил впервые испугался не за себя.

За неё.

— Ты сказал, что больше не вернёшься, — произнесла Виктория.

— Я и не собирался.

— Тогда почему ты здесь?

Александр перевёл взгляд на сына.

— Потому что он нашёл то, чего не должен был видеть.

Михаил почувствовал, как внутри что-то ломается.

— Ты жив?

— Да.

— Все эти годы?

— Да.

— И ты ни разу не попытался со мной связаться?

Отец молчал.

— Мама думала, что ты умер! — крикнул Михаил. — Она ждала тебя восемь лет!

Александр опустил глаза.

На мгновение в его лице появилось что-то похожее на боль.

Но затем он снова стал чужим человеком.

— Твоя мать не та, за кого ты её принимаешь.

Михаил посмотрел на фотографию женщины из папки.

— Кто она?

Отец не ответил.

— Кто моя настоящая мать?

В коридоре послышались шаги.

Человек в белой маске поднял оружие.

Александр резко бросился вперёд, схватил Михаила за плечо и толкнул его в сторону открывшейся двери.

Раздался выстрел.

Виктория вскрикнула.

Лампочки над головой взорвались одна за другой.

Михаил упал на пол, чувствуя, как осколки стекла сып-

лются ему на спину.

Когда он поднялся, отца уже не было.

На полу лежала белая маска.

Рядом — несколько капель крови.

А в динамике снова зазвучал спокойный голос:

— Добро пожаловать домой, номер 7319.

Свет погас.

И где-то глубоко под Нью-Йорком раздался звук, похожий на смех.

Глава 5. Девушка под номером 7318

Михаил смотрел на цифры на запястье Виктории.

7318.

Разница составляла всего одну единицу.

Один номер. Одна цифра. Одно возможное объяснение, которое могло оказаться страшнее любой лжи.

— Сними повязку, — сказал он.

— Нет.

— Виктория.

— Я сказала нет.

— Ты привела меня в подземный комплекс, показала папку с моим именем, заставила поверить, что мой отец жив, а теперь говоришь, что не знаешь, кто из нас настоящий. Думаю, у тебя больше нет права выбирать, какую часть правды мне показывать.

Виктория долго смотрела на него.

Затем медленно размотала бинт.

Цифры оказались не нарисованы на коже. Они были вытатуированы тонкими чёрными линиями. Под ними виднелся едва заметный шрам, похожий на след от хирургического вмешательства.

— Когда это появилось? — спросил Михаил.

— Я не знаю.

— Как это возможно?

— Потому что я не помню первые двенадцать лет своей жизни.

Михаил молчал.

За окном, скрытым жалюзи, шумел Нью-Йорк. Где-то сигналили машины, по мокрой дороге проехал автобус, и чей-то голос выкрикнул что-то на другом конце улицы.

Обычный город.

Обычное утро.

Но в комнате, где два человека пытались понять, кем они были, обычные вещи больше не имели значения.

— Мой брат говорил, что меня нашли в больнице на окраине Бостона, — продолжила Виктория. — Мне было двенадцать. Я не знала своего имени, не помнила родителей и не могла объяснить, откуда у меня шрам на запястье. В документах значилось, что я поступила туда после автомобильной аварии.

— Ты не помнила даже имени?

— Помнила только одно слово.

— Какое?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Михаил.

Он почувствовал, как напряглись мышцы шеи.

— Ты знала моё имя ещё до того, как встретила меня в аэропорту?

— Я думала, что это просто случайное воспоминание. Мой брат нашёл меня, когда мне было пятнадцать. Он усы-

новил меня официально, помог восстановить документы. Я никогда не рассказывала ему о цифрах на запястье. Он считал, что это часть медицинской маркировки после операции.

— А потом ты встретила моего отца.

— Да.

— И он узнал тебя?

— С первого взгляда.

Михаил встал и прошёлся по комнате. Голова всё ещё болела, но теперь боль казалась чем-то незначительным.

— Что он сказал?

— Что меня не должно существовать.

Михаил остановился.

— Именно так?

— Именно так. А потом спросил, помню ли я комнату с красной дверью.

— И что ты ответила?

— Что никогда её не видела.

Виктория посмотрела на собственную руку.

— Он сказал, что это хорошо. А затем попросил меня найти тебя, когда придёт время.

— Какое время?

— Он не объяснил.

— Конечно. — Михаил невесело усмехнулся. — В моей семье никто ничего не объясняет.

Он вернулся к кровати и взял телефон. Фотография незнакомца всё ещё оставалась на экране.

— Нам нужно вернуться в комплекс.

— Нет.

— Там остались документы.

— Там остались люди, которые хотят нас убить.

— И там находится информация о том, кто я такой.

— Михаил, послушай меня. Если система действительно запустила протокол нулевого часа, весь комплекс уже могли эвакуировать или уничтожить.

— Тогда почему нам присылают фотографии оттуда?

Виктория не ответила.

Он открыл снимок и увеличил изображение пола.

Три капли крови.

Они лежали рядом с телом двойника — три отдельные тёмные точки, расположенные почти идеальным треугольником.

Михаил нахмурился.

— Ты видишь это?

— Что?

— Кровь. Она не растеклась.

Он приблизил изображение ещё сильнее.

Каждая капля была одинакового размера. Между ними находились крошечные белые отметки, едва различимые на фоне серого пола.

Это был не случайный рисунок.

Это была схема.

Михаил достал из сумки Виктории блокнот, нашёл чи-

стую страницу и начал перерисовывать расположение точек.

Через несколько секунд он замер.

— Что такое? — спросила она.

— Это не треугольник.

Он повернул блокнот к ней.

— Это план этажа.

Виктория наклонилась над рисунком.

Три капли соответствовали трём дверям в подземном комплексе. Между ними находился узкий проход, который Михаил заметил во время побега, но не успел рассмотреть.

А четвёртая точка — та, которой не было на фотографии, — совпадала с местом, где стоял шкаф с его именем.

7319.

— Кто-то пытается показать нам маршрут, — сказал Михаил.

— Или заманить нас туда.

— Это одно и то же.

Он взял куртку со стула.

— Куда ты? — спросила Виктория.

— За ответами.

— Ты даже не знаешь, что найдёшь.

Михаил остановился у двери.

— Зато теперь я знаю, что искать.

Он повернулся к ней.

— Комнату с красной дверью.

Виктория побледнела.

— Я не говорила тебе, что она была в комплексе.

— Не говорила.

— Тогда откуда ты знаешь?

Михаил хотел ответить, но внезапно ощутил резкий приступ головокружения.

На секунду комната исчезла.

Вместо неё возникло другое помещение.

Белые стены.

Металлическая кровать.

Красная дверь.

За стеклом стояла женщина с серыми глазами.

Она прижимала ладонь к стеклу и плакала.

Рядом с ней находился мужчина в белой маске.

А на кровати лежали два младенца.

Один плакал.

Другой молчал.

Женщина повернулась к человеку в маске.

— Вы обещали сохранить им жизнь.

— Мы и сохраним, — ответил он. — Но только одному из них.

Затем изображение исчезло.

Михаил пошатнулся и ухватился за стену.

Виктория подбежала к нему.

— Что ты видел?

Он тяжело дышал.

— Двух детей.

— Каких детей?
Михаил посмотрел на неё.
— Нас.

Глава 6. Имя, которого нет

В одиннадцать сорок семь утра Михаил Волков официально перестал существовать.

Это произошло не в результате покушения, не из-за поддельных документов и не потому, что кто-то удалил его из государственной базы.

Система сама изменила его статус.

В колледже, куда он поступил, его электронная анкета стала пустой. В медицинской базе исчезла история прививок. Банковский счёт, открытый матерью, оказался привязан к другому человеку. Даже запись об авиабилете, по которому Михаил прилетел в Нью-Йорк, исчезла из базы авиаперевозчика.

Сначала Виктория решила, что это результат атаки.

Затем она открыла архивную копию его свидетельства о рождении.

Документ содержал имя, дату рождения и подпись регистратора.

Но в графе места рождения теперь стоял прочерк.

В графе родителей — два пустых поля.

А внизу страницы, где раньше находился регистрационный номер, появилась надпись:

ОБЪЕКТ 7319. ИДЕНТИЧНОСТЬ НЕ ПОДТВЕРЖДЕНА.

— Это невозможно, — произнесла Виктория.

Они находились в маленьком кафе на втором этаже старого здания в Нижнем Манхэттене. За соседним столиком мужчина читал газету, у стойки бариста готовил кофе, а на стене висел телевизор с утренними новостями.

Никто вокруг не подозревал, что в нескольких метрах от них человек наблюдает за исчезновением собственной личности.

— Ты можешь восстановить данные? — спросил Михаил.

— Попробую.

Виктория подключила ноутбук к сети и открыла несколько архивных интерфейсов, сохранившихся у неё со времён работы брата.

Первые две попытки завершились ошибкой.

Третья вернула результат.

В системе нашлась запись о человеке по имени Михаил Волков.

Дата рождения совпадала.

Фотография тоже.

Но запись была помечена как недействительная.

Причина аннулирования: смерть.

Дата смерти: 14 октября, семнадцать лет назад.

Михаил долго смотрел на экран.

— Я родился в октябре, — произнёс он. — Но это не моя дата смерти.

— По этому документу ты умер в день своего рождения.

— Значит, кто-то подменил запись.

— Возможно.

— Или…

Он не договорил.

Виктория закрыла ноутбук.

— Не надо.

— Что именно?

— Не пытайся объяснить то, чего мы пока не понимаем.

Михаил усмехнулся.

— Забавно. Ещё вчера ты сама убеждала меня искать ответы.

— Вчера я думала, что знаю хотя бы часть правды.

Она посмотрела на него с непривычной мягкостью.

— А теперь я боюсь, что правда может уничтожить нас обоих.

На телевизоре изменилось изображение.

Ведущий новостей прервал сюжет о пробках и посмотрел в камеру.

— Полиция Нью-Йорка подтвердила обнаружение тела неизвестного мужчины на крыше здания в Мидтауне. По предварительным данным, погибший мог быть связан с несколькими закрытыми расследованиями…

На экране появилась фотография.

Мужчина в тёмном пальто.

Михаил узнал его сразу.

Это был человек, который стоял на карнизе двадцать тре-

тьего этажа.

Тот самый мужчина из пролога.

— Увеличь, — сказал Михаил.

Виктория нашла запись новостей в интернете и открыла фотографию.

Под изображением появилось имя погибшего.

АЛЕКСАНДР ВОЛКОВ.

Михаил перестал дышать.

— Нет, — прошептал он. — Это ошибка.

Он схватил телефон и открыл фотографию отца, сделанную в подземном комплексе.

Затем снова посмотрел на экран.

Лицо погибшего отличалось от лица Александра, которого он видел несколько часов назад. Другой нос. Другой подбородок. Другой шрам.

Но имя было тем же.

Александр Волков.

— Их двое, — сказал Михаил.

Виктория быстро проверила полицейские документы.

— Нет. Посмотри на дату рождения.

Она повернула ноутбук.

У погибшего была та же дата рождения, что и у отца Михаила.

Та же фамилия.

Те же инициалы.

Но в документах значилось, что он родился в Нью-Йорке,

а не в России.

Михаил вспомнил старую фотографию, которую нашёл в Зареченске. Отец стоял возле здания с часами, а на обороте было написано:

Нью-Йорк. 14 октября. 02:13. Не доверяй часам.

— Он пытался предупредить меня, — сказал Михаил.

— Кто?

— Отец. Он знал, что однажды я окажусь здесь.

Виктория покачала головой.

— Или кто-то хотел, чтобы ты так думал.

Михаил не ответил.

Он смотрел на дату рождения погибшего.

14 октября.

На секунду ему показалось, что он уже видел эти цифры раньше. Не на фотографии и не в документах.

В воспоминании.

В том помещении с красной дверью.

Женщина с серыми глазами держала двух младенцев.

На стене над ними висели часы.

02:13.

— Виктория, — тихо сказал он.

— Да?

— Сегодня какое число?

Она проверила телефон.

— Двадцать четвёртое октября.

Михаил кивнул.

Затем медленно открыл фотографию с телом двойника.

На обороте снимка, которого раньше не было, появилась новая надпись.

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ ДО ВОЗВРАЩЕНИЯ.

Он почувствовал, как внутри поднимается холод.

— Возвращения чего? — спросила Виктория.

Михаил посмотрел на неё.

— Не знаю.

В этот момент зазвонил её телефон.

На экране высветилось имя, которого она не видела восемь лет.

ДАНИИЛ СОКОЛОВ.

Её брат.

Виктория ответила, не успев произнести ни слова.

Из динамика донёсся мужской голос.

— Вика, слушай внимательно. У тебя меньше минуты.

— Даниил? Где ты?

— Неважно. Ты должна найти комнату 7319.

Михаил резко поднял голову.

— Мы уже были там, — сказала Виктория.

— Нет, — ответил брат. — Вы были в архиве.

На заднем плане послышался грохот.

— Даниил, что происходит?

— Комната находится не под вокзалом. Она находится в здании, где ты впервые увидела Михаила.

Виктория побледнела.

— В аэропорту?

— Нет, Вика. В больнице.

Затем голос брата стал тише.

— И если вы хотите узнать, кто из вас родился первым, найдите женщину по имени Елена Морозова.

Связь оборвалась.

Виктория медленно опустила телефон.

— Кто такая Елена Морозова? — спросил Михаил.

Она закрыла глаза.

— Не знаю.

Но на этот раз Михаил заметил, что она лжёт.

Потому что пальцы Виктории дрожали.

А на экране её телефона всё ещё оставалось последнее сообщение от брата:

НЕ ПОЗВОЛЬ ЕЙ ВСТРЕТИТЬСЯ С МАТЕРЬЮ.

Глава 7. Женщина из палаты № 14

Больница Святой Агнессы закрылась двенадцать лет назад.

Официальная причина — нехватка финансирования. Здание собирались снести, но судебные разбирательства затянулись, и оно осталось стоять среди новых жилых домов, словно забытый зуб в идеально ровном ряду.

Виктория знала это место.

В одном из воспоминаний Виктории именно здесь её нашли после автомобильной аварии. Но теперь она уже не могла поручиться, что это воспоминание принадлежало ей.

Она помнила холодную скамью в коридоре, запах дезинфицирующего средства и женщину в синем халате, которая принесла ей стакан воды.

Но теперь она не была уверена, что воспоминания действительно принадлежали ей.

— Почему ты не сказала мне, что помнишь эту больницу? — спросил Михаил, когда они остановились перед ржавыми воротами.

— Потому что я не помнила её до сегодняшнего дня.

— Ты хочешь сказать, что вспомнила только после звонка?

— Я хочу сказать, что всю жизнь пыталась вспомнить, где началась моя жизнь. А теперь боюсь, что она началась не там,

где мне рассказывали.

Виктория достала из сумки небольшой фонарик.

— Если Даниил прав, здесь находится комната 7319.

— Почему номер комнаты начинается с семёрки, если в больнице было всего четыре этажа?

— Возможно, это не номер комнаты.

— А что тогда?

Она посмотрела на него.

— Номер эксперимента.

Ворота поддались после нескольких толчков.

Они вошли во двор и направились к боковому входу. На стене сохранилась выцветшая табличка с названием больницы. Под ней кто-то недавно прикрепил небольшой белый лист.

На листе было написано:

ПАЦИЕНТЫ, НЕ ИМЕЮЩИЕ ИМЕНИ, НЕ ПОДЛЕЖАТ ВЫПИСКЕ.

Михаил сфотографировал надпись.

— Это кто-то оставил недавно.

— Откуда ты знаешь?

— Бумага новая. Крепления тоже. И посмотри на пыль вокруг.

Он указал на стену.

— Табличку прикрепили поверх старой надписи. Кто-то пытался скрыть то, что здесь было раньше.

Виктория посветила фонариком.

Под листом виднелись несколько букв.

«…ДЕЛЕНИЕ НУЛЕВОГО ЧАСА».

Они вошли внутрь.

В холле стояли пустые кресла, на полу валялись обрывки документов, а за стойкой регистрации висел календарь с последним отмеченным месяцем — октябрём.

Михаил подошёл ближе.

На календаре красным карандашом были обведены две даты.

14 октября.

24 октября.

Между ними стояла короткая надпись:

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ.

— Они знали, что мы придём сегодня, — сказала Виктория.

— Или хотели, чтобы мы так думали.

Михаил обошёл стойку и нашёл старый план здания.

Палаты располагались на втором и третьем этажах. В подвале находились архив, лаборатория и технические помещения.

Но четвёртый этаж отсутствовал.

Не был закрашен, не был отмечен как закрытый — его просто не существовало на плане.

При этом в лифте имелась кнопка с цифрой четыре.

— Мы поднимемся туда, — сказал Михаил.

Они нашли лифт за лестничным пролётом. Он не работал,

поэтому пришлось подниматься по ступеням.

На втором этаже Виктория остановилась возле палаты № 14.

Дверь была приоткрыта.

Внутри стояла кровать с металлическими поручнями. На стене висело зеркало, а на тумбочке лежала детская игрушка — маленький деревянный поезд.

Виктория вошла первой.

— Я помню эту комнату.

Михаил остался у двери.

— Ты здесь лежала?

Она медленно кивнула.

— Кажется.

На тумбочке лежала фотография.

Виктория подняла её.

На снимке были две девочки примерно восьми лет. Одна светловолосая, другая темноволосая. Они стояли возле больничного окна, держась за руки.

На обороте было написано:

ВИКТОРИЯ И ЕЛЕНА. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПЕРЕД РАЗДЕЛЕНИЕМ.

Виктория прижала фотографию к груди.

— Я никогда не была здесь с другой девочкой.

— Возможно, это не ты.

— Посмотри на руку.

Михаил приблизил снимок.

На запястье светловолосой девочки виднелась тонкая чёрная линия.

7318.

На запястье второй — 7319.

Они долго молчали.

Затем Виктория перевернула фотографию.

Под первой надписью обнаружилась ещё одна, сделанная другим почерком.

ОДНА ИЗ НИХ ДОЛЖНА ЗАБЫТЬ. ДРУГАЯ — ВСПОМНИТЬ.

Из коридора донёсся звук шагов.

Михаил выключил фонарик.

Шаги приближались.

Кто-то остановился перед палатой.

— Виктория Соколова, — произнёс женский голос. — Я знала, что ты вернёшься.

Виктория побледнела.

Михаил медленно выглянул из-за двери.

В коридоре стояла пожилая женщина в сером пальто. Её седые волосы были собраны в тугой пучок. В руках она держала кожаную сумку, а на шее висел старый медицинский бейдж.

На нём было написано:

ЕЛЕНА МОРОЗОВА. ВРАЧ-НЕОНАТОЛОГ.

Женщина посмотрела на Михаила.

И заплакала.

— Боже мой, — прошептала она. — Ты действительно вырос.

Михаил сделал шаг вперёд.

— Кто вы?

Она не ответила.

Вместо этого достала из сумки маленький конверт и протянула ему.

— Твоя мать просила передать это, когда ты доберёшься до Нью-Йорка.

Михаил почувствовал, как по спине пробежал холод.

— Моя мать умерла?

Женщина покачала головой.

— Нет.

Она посмотрела на Викторию.

— Она всё ещё ждёт тебя.

Затем снова повернулась к Михаилу.

— Но прежде чем ты её увидишь, ты должен узнать, почему один из вас получил имя, а другой — номер.

Виктория шагнула к ней.

— Что вы сделали с нами?

Елена Морозова закрыла глаза.

— Я спасла одного ребёнка.

— А второй?

Женщина открыла глаза.

— Второй должен был умереть.

Из глубины больницы раздался сигнал.

Один короткий.

Два длинных.

Елена посмотрела на потолок.

— Они нашли нас.

Она схватила Михаила за руку и потянула к лестнице.

— Если хотите узнать правду, следуйте за мной. И что бы вы ни услышали наверху, не открывайте красную дверь.

Михаил посмотрел на неё.

— Почему?

Женщина остановилась.

— Потому что за ней находится человек, который всё это время притворялся твоим отцом.

И в ту же секунду из динамика больницы раздался знакомый мужской голос:

— Михаил, сынок. Наконец-то мы можем поговорить.

Часть вторая. Город мёртвых имён
Глава 8. Красная дверь

— Михаил, сынок. Наконец-то мы можем поговорить.

Голос раздался одновременно из динамиков под потолком и из старого громкоговорителя возле лестницы.

Михаил застыл.

Он узнал эту интонацию. Спокойную, чуть хрипловатую, с едва заметной паузой перед последним словом. Так отец когда-то читал ему сказки, когда в доме отключали электричество. Так произносил его имя, когда Михаил разбивал колени и пытался скрыть слёзы.

Но тот человек, которого он видел в подземном комплексе, тоже был Александром Волковым.

И тот человек, которого полиция объявила погибшим, тоже носил это имя.

Слишком много отцов для одного сына.

— Не слушай, — прошептала Елена Морозова.

— Почему? — спросил Михаил. — Если это не мой отец, пусть докажет.

Женщина резко схватила его за плечо.

— Ты не понимаешь. Он может доказать что угодно.

Из динамика раздался короткий смешок.

— Елена, ты всегда была слишком драматичной.

Женщина побледнела.

— Ты обещал, что больше никогда не заговоришь с ним, — прошептала она, обращаясь к Михаилу.

— Я ничего ему не обещал.

— Не ему. Себе.

Михаил не успел задать следующий вопрос.

Где-то в глубине здания хлопнула металлическая дверь. Затем послышался гул лифта, хотя они находились на втором этаже, а лифт был отключён.

На стене напротив загорелась красная лампочка.

Под ней появился электронный счётчик.

03:17:00.

Цифры начали уменьшаться.

03:16:59.

03:16:58.

Виктория посмотрела на экран.

— Что произойдёт, когда время закончится?

Елена уже направлялась к лестнице.

— Если мы останемся здесь, вы узнаете.

Они побежали вверх.

На третьем этаже пахло сыростью и старой краской. Длинный коридор уходил в темноту, а на стенах сохранились детские рисунки: дома, деревья, солнце с человеческим лицом.

Михаил остановился возле одного из них.

На листе были изображены два мальчика.

Один стоял возле дома, другой — за высоким чёрным за-

бором.

Между ними находилась женщина с серыми глазами.

Внизу детским почерком было написано:

МИША И МИША. МАМА СКАЗАЛА, ЧТО ОДИН ИЗ НАС ДОЛЖЕН УЙТИ.

— Виктория, — позвал Михаил.

Она подошла к рисунку.

— Это не может быть моим, — сказала она. — Я никогда не рисовала мальчиков.

— Но ты помнишь девочку с фотографии.

Виктория не ответила.

Елена вырвала лист со стены и спрятала в сумку.

— Не смотрите на рисунки. Они не для вас.

— Тогда для кого? — спросил Михаил.

— Для тех, кто остался здесь.

Они дошли до конца коридора.

Перед ними находилась дверь, окрашенная в тёмно-красный цвет.

На ней не было номера.

Только маленькая латунная табличка с тремя словами:

ПАЛАТА НУЛЕВОГО ЧАСА.

Михаил подошёл ближе.

Сердце забилось быстрее.

Он уже видел эту дверь — во сне, в воспоминании или в том странном провале сознания, который случился в кафе. Он помнил женщину за стеклом. Помнил двух младенцев.

Помнил часы, остановившиеся на 02:13.

И ещё он помнил звук.

Тихий стук изнутри.

Три удара.

Михаил поднял руку.

— Не смей! — крикнула Виктория.

Но было поздно.

Он постучал.

Три раза.

Дверь открылась сама.

За ней находилась не больничная палата.

Там была небольшая комната с деревянным полом, книжными полками и старым диваном. На стене висели часы, показывавшие 02:13. На столе стояла чашка с остывшим чаем.

А возле окна сидел мужчина.

Ему было около сорока пяти. Тёмные волосы, спокойный взгляд, небольшой шрам на подбородке.

Михаил узнал его мгновенно.

Это был Александр Волков.

Только моложе, чем мужчина из подземного комплекса.

Мужчина поднялся.

— Здравствуй, Миша.

Михаил не двигался.

— Кто ты?

— Твой отец.

— Нет.

— Ты имеешь право так думать.

Мужчина сделал шаг вперёд, но Михаил отступил.

— Тогда ответь на один вопрос. Что ты подарил мне на девятый день рождения?

Незнакомец задумался.

— Деревянный поезд. Красный локомотив с тремя вагонами. Ты хотел его целый год, но мать говорила, что он слишком дорогой.

Михаил почувствовал, как у него похолодели руки.

Он действительно получил такой поезд.

Только подарок сделал не отец.

Поезд стоял в комнате Михаила в Зареченске ещё до исчезновения Александра. Мальчик помнил, как однажды ночью проснулся и увидел его возле кровати.

Он всегда думал, что отец оставил его перед уходом.

— Откуда ты знаешь? — спросил Михаил.

Мужчина улыбнулся.

— Потому что я был там.

— Ты исчез, когда мне было девять.

— Я знаю.

— Где ты был все эти годы?

Улыбка исчезла.

— Там, куда отправляют людей, когда они узнают слишком много.

— В подземном комплексе?

— Нет, Миша. Подземный комплекс — всего лишь хра-

нилище. Настоящая система находится гораздо глубже.

— Где?

Мужчина посмотрел на часы.

02:13.

— В человеческой памяти.

Михаил нахмурился.

— Что это значит?

— Они научились хранить сведения о людях. Сначала фотографии, документы, переписки. Потом воспоминания. Затем научились отделять одно от другого.

Он подошёл к столу и взял старую фотографию.

На ней были изображены двое мужчин возле здания с часами.

Один из них — Александр.

Второй — человек, погибший на двадцать третьем этаже.

— Этот человек был твоим отцом? — спросил Михаил.

— В каком-то смысле.

— А ты?

Мужчина положил фотографию обратно.

— Я был тем, кто должен был им помешать.

— Ты Александр Волков?

— Да.

— Тогда почему существует ещё один Александр Волков?

Мужчина долго молчал.

Затем сказал:

— Потому что однажды они решили, что человеку можно

дать вторую жизнь, не спрашивая его разрешения.

Из коридора донёсся голос Елены:

— У нас нет времени!

Мужчина посмотрел на Михаила.

— Она права. Но перед тем, как вы уйдёте, я должен показать тебе кое-что.

Он открыл нижний ящик стола и достал тонкую папку.

На обложке было написано:

ПРОЕКТ «НАСЛЕДНИК».

Внутри лежали две фотографии младенцев.

На первой был ребёнок с серыми глазами.

На второй — ребёнок с такими же глазами.

Под первым снимком стояла надпись:

ОБЪЕКТ 7318. ВИКТОРИЯ.

Под вторым:

ОБЪЕКТ 7319. МИХАИЛ.

Но на последней странице находилась ещё одна фотография.

Третий младенец.

Под ней было написано:

ОБЪЕКТ 7320. СТАТУС: НЕ НАЙДЕН.

Михаил медленно поднял голову.

— Сколько нас было?

Отец посмотрел на него с выражением глубокой усталости.

— Трое.

— Кто третий?

— Тот, кто сейчас управляет этой больницей.

За дверью раздались шаги.

Мужчина в белой маске появился в коридоре.

Он снял перчатку и приложил ладонь к красной двери.

— Александр, — произнёс он. — Ты снова нарушил правила.

Отец Михаила закрыл папку.

— А ты снова пришёл слишком поздно.

Человек в маске поднял голову.

— Время вышло.

Часы на стене щёлкнули.

02:14.

И все воспоминания Михаила исчезли.

Глава 9. Человек без прошлого

Сначала исчезло лицо отца.

Затем комната.

Потом голос Виктории.

Михаил стоял посреди красной палаты и смотрел на собственные руки, пытаясь понять, почему они дрожат. Он знал, что должен что-то сделать. Знал, что находится в опасности. Знал, что человек в белой маске стоит совсем рядом.

Но он больше не понимал, кто все эти люди.

— Михаил? — услышал он женский голос.

Он обернулся.

Перед ним стояла светловолосая девушка в сером пальто. Она смотрела на него так, словно они были знакомы много лет.

— Кто ты? — спросил Михаил.

Виктория побледнела.

— Что?

— Я спросил, кто ты.

Она медленно протянула руку, но он отступил.

— Не трогай меня.

— Михаил, послушай…

— Откуда ты знаешь моё имя?

Виктория замолчала.

В этот момент человек в белой маске вошёл в комнату.

Он не торопился. Не угрожал оружием. Не пытался схватить Михаила.

Он просто подошёл к столу, аккуратно положил на него чёрную папку и сел в кресло.

— Вот теперь можно разговаривать, — произнёс он.

Михаил посмотрел на него.

— Кто вы?

— Тот, кто может вернуть тебе всё, что ты потерял.

— Я ничего не терял.

Человек в маске слегка наклонил голову.

— Разумеется. Именно так обычно и говорят люди, у которых отняли прошлое.

Он достал из папки фотографию.

На снимке был мальчик лет девяти. Он стоял возле окна небольшого дома, прижимая к груди деревянный поезд.

Михаил почувствовал странное беспокойство.

— Кто это?

— Ты.

— Нет.

— Тогда почему ты так смотришь на фотографию?

Михаил хотел отвернуться, но не смог.

На заднем плане виднелась женщина. Её лица почти не было видно, однако глаза казались знакомыми.

Серые.

Он протянул руку и взял снимок.

— Кто она?

— Твоя мать.

Михаил резко поднял голову.

— Где она?

— Ты уверен, что хочешь это знать?

— Да.

Человек в маске положил перед ним второй снимок.

На нём была та же женщина, но уже в больничной палате. Она сидела на кровати, держа на руках младенца. Рядом стояла другая женщина в медицинской форме — Елена Морозова.

На обороте красным карандашом было написано:

14 ОКТЯБРЯ. 02:13. ПЕРВЫЙ ПЕРЕНОС.

— Что это значит? — спросил Михаил.

— Это означает, что ты родился дважды.

— Люди не рождаются дважды.

— Люди — нет. Но личности можно создавать, переносить, разделять и стирать.

Человек в маске достал из кармана небольшое устройство, похожее на старый диктофон.

— Твоё сознание не исчезло. Оно заблокировано. Сейчас ты не помнишь ничего, что произошло после определённого момента. Но это временно.

— Вы сделали это со мной?

— Мы лишь активировали механизм, который уже существовал.

— Кто создал его?

Мужчина помолчал.

— Твой отец.

Михаил сжал фотографию.

— Вы лжёте.

— Возможно. Но я не тот, кто просил тебя поверить в историю о добром отце, который исчез ради спасения своего сына.

Михаил посмотрел на дверь.

Виктория стояла неподвижно. На её лице смешались страх и надежда.

— Ты знаешь его? — спросил Михаил.

— Да, — ответила она.

— Ты доверяешь ему?

— Нет.

— Тогда почему ты здесь?

Виктория посмотрела на человека в белой маске.

— Потому что он единственный, кто может объяснить, что произошло с моей памятью.

Мужчина медленно поднялся.

— Ваши вопросы разумны. Но сейчас у нас есть проблема посерьёзнее.

Он повернул экран устройства к Михаилу.

На нём отображалась карта Нью-Йорка. Несколько районов были отмечены красными точками. Над Манхэттеном мигал большой чёрный круг.

— Через сорок минут система запустит вторую фазу, —

сказал он. — Если мы не остановим её, тысячи людей забудут собственные имена.

— Это невозможно.

— Ты уже видел невозможное, Михаил. Просто больше не помнишь.

Мужчина протянул ему папку.

— Внутри находится список людей, которых система собирается стереть. Первым в списке стоит твоё имя.

Михаил открыл папку.

На первой странице действительно было написано:

МИХАИЛ ВОЛКОВ. ОБЪЕКТ 7319.

Ниже стояла другая запись:

ВИКТОРИЯ СОКОЛОВА. ОБЪЕКТ 7318.

И ещё одна:

ОБЪЕКТ 7320. АКТИВЕН.

Рядом находилась фотография.

На этот раз Михаил узнал человека.

Он видел его совсем недавно.

В новостях.

На снимке был погибший мужчина с двадцать третьего этажа.

Но под фотографией значилось другое имя.

АЛЕКСАНДР ВОЛКОВ.

А ниже, мелким шрифтом, была приписка:

ПЕРВАЯ ЛИЧНОСТЬ. СТАТУС: ВОССТАНОВЛЕНА.

Михаил медленно закрыл папку.

— Кто вы? — спросил он.

Человек в белой маске снял её.

Под ней оказалось лицо молодого мужчины.

Ему было примерно двадцать пять лет. Тёмные волосы, серые глаза, тонкий шрам возле губ.

Михаил смотрел на него и чувствовал, как внутри поднимается необъяснимый ужас.

Потому что перед ним стоял человек, похожий на него самого.

Не как брат.

Не как двойник.

Как его собственное отражение, которое почему-то научилось жить отдельно.

Мужчина улыбнулся.

— Меня зовут Михаил Волков.

Он сделал паузу.

— И я твой старший брат.

Глава 10. Третий

Виктория первой нарушила тишину.

— Нет.

Мужчина повернулся к ней.

— Ты можешь не верить.

— Я видела документы. Объект 7320 считался пропавшим.

— Он и был пропавшим.

— Ты не можешь быть им.

— Почему?

Виктория открыла рот, но не смогла ответить.

Михаил смотрел на незнакомца. Его лицо казалось до боли знакомым. Те же серые глаза, похожий изгиб бровей, та же привычка чуть прищуриваться перед ответом.

Однако Михаил не чувствовал родства.

Он чувствовал угрозу.

— Если ты мой брат, — сказал он, — докажи это.

Мужчина кивнул.

— Хорошо. Когда тебе было шесть лет, ты спрятался в кладовке, потому что думал, что отец собирается уехать. Ты взял с собой деревянный поезд, два яблока и фонарик. Через три часа ты уснул на коробке с зимней обувью.

Он не смог сразу ответить.

Он не помнил этого.

Но тело отреагировало раньше сознания: сердце болезненно сжалось, а во рту появился знакомый привкус страха.

— Это мог узнать кто угодно.

— Верно.

Мужчина достал из кармана маленький предмет.

Деревянный вагончик.

Красный, с облупившейся краской и трещиной возле колеса.

Михаил смотрел на него, не двигаясь.

— Ты оставил его мне, — сказал незнакомец. — В палате № 14. Перед тем, как нас разделили.

— Я не помню.

— Именно поэтому я здесь.

Мужчина положил вагончик на стол.

— Меня назвали Михаилом первым. Тебя — вторым. Викторию записали под номером 7318. Нам дали имена, документы, разные истории. Нас разделили, чтобы мы никогда не смогли восстановить первоначальную последовательность событий.

— Какую последовательность? — спросил Михаил.

— Кто родился первым. Кто умер. Кто выжил. И кто из нас вообще был настоящим ребёнком Александра Волкова.

Виктория отступила.

— Ты хочешь сказать, что один из нас не человек?

— Нет. Я хочу сказать, что один из нас не тот человек, которым себя считает.

Михаил посмотрел на брата.

— И кто же?

Мужчина не ответил.

Вместо этого он включил диктофон.

Послышался женский голос.

— Если эта запись сохранилась, значит, они снова начали эксперимент.

Михаил почувствовал, что знает этот голос.

Он не мог вспомнить, откуда.

Но впервые с момента пробуждения ему захотелось плакать.

— Меня зовут Елена Морозова, — продолжала запись. — Я была врачом в больнице Святой Агнессы. Я принимала участие в проекте, который не должен был существовать. И я хочу, чтобы вы знали: никто из вас не виноват в том, что произошло.

Раздался шорох.

Затем голос стал тише.

— Четырнадцатого октября семнадцать лет назад в больницу поступила женщина с двумя младенцами. Она утверждала, что родила их в разных местах, с разницей в несколько минут. У неё не было документов. Она отказалась назвать своё имя.

На записи послышался детский плач.

— Один ребёнок был здоров. Второй не дышал.

Виктория закрыла рот ладонью.

— Мы попытались реанимировать второго, — продолжала Елена. — Но через три минуты монитор показал отсутствие сердечной активности. Мы зарегистрировали смерть. А затем произошло нечто, чего никто из нас не смог объяснить.

Запись прервалась.

Через несколько секунд голос вернулся.

— Ребёнок, которого мы объявили мёртвым, открыл глаза.

Михаил почувствовал, как земля уходит из-под ног.

— Нет, — прошептал он.

Человек, назвавшийся его старшим братом, выключил диктофон.

— Теперь ты понимаешь?

— Нет.

— Один из нас родился первым. Второй умер при рождении. Третий появился в системе позже.

— Но нас трое, — сказала Виктория.

— Именно.

Михаил посмотрел на фотографии в папке.

Три младенца.

Три номера.

Три разные судьбы.

— Кто из нас умер? — спросил он.

Брат долго молчал.

Затем произнёс:

— Я.

В этот момент часы в красной палате остановились.

На экране устройства появилась новая строка:

ВТОРАЯ ФАЗА ЗАПУЩЕНА.

А затем все телефоны в Нью-Йорке одновременно получили одно и то же сообщение.

ВАШЕ ИМЯ БОЛЬШЕ ВАМ НЕ ПРИНАДЛЕЖИТ.

Глава 11. Город, который забыл себя

Нью-Йорк не заметил первых тридцати секунд.

Водители продолжали сигналить на перекрёстках. Официанты ставили чашки на столы. Полицейские регулировали движение возле строительных площадок. В офисах открывались электронные таблицы, на биржевых экранах менялись цифры, а в метро люди стояли плечом к плечу, уткнувшись в телефоны.

Затем один мужчина забыл, как зовут его жену.

Он стоял у входа в станцию метро на Лексингтон-авеню и смотрел на фотографию женщины, которую держал в руках.

— Эмили, — произнёс он. — Её зовут Эмили.

Он повторил имя несколько раз.

Потом фотография выпала из его пальцев.

— Кто такая Эмили?

В соседнем квартале водитель такси остановил машину посреди дороги, потому что не смог вспомнить собственное имя. В банковском отделении женщина предъявила паспорт, посмотрела на фотографию и заявила, что никогда не видела человека, изображённого на документе.

В больнице Святой Агнессы зазвонил телефон.

Никто не ответил.

Он продолжал звонить.

На экране устройства Михаила карта города постепенно окрашивалась в красный цвет.

— Что происходит? — спросил он.

Его старший брат смотрел на показатели.

— Система удаляет связи между воспоминаниями и личностями.

— Объясни нормально.

— Представь, что ты знаешь все события своей жизни, но больше не понимаешь, кому они принадлежат. Ты помнишь детство, школу, лица близких. Однако не можешь сказать, кто ты такой. Именно это сейчас происходит с людьми.

— И ты можешь остановить это?

— Могу.

— Тогда останови!

— Не могу без тебя.

Михаил схватил его за воротник.

— Хватит загадок!

Брат не сопротивлялся.

— Система была создана на основе твоей памяти. Не моей. Не Виктории. Твоей. Поэтому только ты можешь войти в центральный архив.

— Я даже не помню, кто я!

— Тебе и не нужно помнить. Тебе нужно выбрать.

— Что выбрать?

Брат посмотрел на Викторию.

— Кого из нас ты готов потерять.

Виктория отступила на шаг.

— Нет.

— Это единственный способ остановить процесс, — продолжил он. — Система считает нас тремя частями одного исходного профиля. Чтобы восстановить целостность, она должна удалить две лишние записи.

— Ты предлагаешь убить нас? — спросил Михаил.

— Я предлагаю выбрать, кого система оставит.

— А если я откажусь?

Брат посмотрел на карту.

Красный цвет добрался до Бруклина.

— Тогда она выберет сама.

Михаил отпустил его.

Он смотрел на город, который никогда не спал, и впервые понимал, что у города тоже может быть кошмар.

— Есть другой способ, — произнесла Виктория.

Оба мужчины повернулись к ней.

Она достала фотографию двух девочек из палаты № 14.

— Внизу было написано: «Одна из них должна забыть. Другая — вспомнить».

— И что? — спросил брат Михаила.

— Возможно, система не требует жертвы. Возможно, ей нужна память, которую мы потеряли.

Она перевернула фотографию.

На обороте, под старой надписью, проступили ещё

несколько слов. Они были написаны карандашом и почти стёрлись.

Михаил поднёс снимок к лампе.

НАЧАЛО НЕ В РОЖДЕНИИ. НАЧАЛО В ВОСПОМИНАНИИ.

Он перечитал фразу.

И вдруг понял.

— Мы всё время задаём неправильный вопрос.

— Какой правильный? — спросила Виктория.

Михаил посмотрел на человека, который называл себя его братом.

— Не кто из нас настоящий.

Он положил фотографию на стол.

— А кто первым решил, что нас должно быть трое?

Впервые за всё время старший брат перестал улыбаться.

И это было ответом.

За красной дверью послышались три удара.

Первый.

Второй.

Третий.

Затем раздался женский голос.

Тихий, усталый, знакомый до боли.

— Миша, если ты меня слышишь, не верь ни одному из них.

Михаил застыл на месте.

Он узнал этот голос.

Голос женщины, которую всю жизнь называл матерью.

Голос, который слышал в детстве перед сном.

Голос, который, как он теперь помнил, принадлежал женщине с серыми глазами из палаты № 14.

— Мама? — прошептал он.

Из-за двери ответили:

— Прости меня, сынок.

Пауза.

— Я солгала тебе не потому, что хотела скрыть правду.

Ещё одна пауза.

— Я солгала, потому что боялась, что ты вспомнишь, как сам попросил меня забыть тебя.

Михаил медленно повернулся к двери.

На экране устройства карта Нью-Йорка погасла.

Вместо неё появилась новая надпись.

ПЕРВЫЙ ОБЪЕКТ ОБНАРУЖЕН.

ОБЪЕКТ 0001. ЕЛЕНА ВОЛКОВА.

Человек, называвшийся старшим братом, сделал шаг назад.

— Этого не может быть, — прошептал он.

Виктория посмотрела на него.

— Ты сказал, что был первым.

Он не ответил.

— Ты сказал, что умер при рождении.

Мужчина закрыл глаза.

— Я не говорил, что это произошло со мной.

Красная дверь начала медленно открываться.

И из темноты вышла женщина, которая выглядела ровно так, как на старой фотографии.

Молодая.

С серыми глазами.

С тем же лицом, которое Михаил видел в своих воспоминаниях.

Она посмотрела на него, улыбнулась сквозь слёзы и произнесла:

— Здравствуй, мой первый сын.

А затем перевела взгляд на второго мужчину.

— А ты, — сказала она, — никогда не был моим ребёнком.

Глава 12. Старая библиотека

Нью-Йорк. 23:37.

Старая библиотека на углу Мэдисон-авеню закрылась двадцать семь лет назад.

По крайней мере, так утверждала городская база недвижимости.

Её окна были заколочены изнутри, бронзовые буквы над входом покрылись зелёным налётом, а на каменных ступенях лежали мокрые листья. На дверях висела табличка с предупреждением об аварийном состоянии здания.

Но когда Виктория подошла к входу, замок щёлкнул сам.

Михаил наблюдал из переулка напротив.

Он обещал не следовать за ней.

Обещания, как он уже понял, имели смысл только тогда, когда ты помнил, кому и зачем их давал.

Виктория вошла внутрь.

Через несколько секунд дверь закрылась.

Михаил пересёк улицу, достал ключ с маркировкой 0001 и приложил его к металлической пластине рядом с замком.

Ничего.

Он повернул ключ.

Щелчок.

Дверь открылась.

— Разумеется, — прошептал он. — Ключ от человека.

Внутри пахло сырой бумагой, пылью и чем-то сладковатым, напоминавшим старые духи. Луч фонаря выхватил длинные ряды книжных шкафов. На стенах висели портреты людей, чьи имена были стёрты с табличек.

Михаил прошёл в читальный зал.

Виктории не было.

Зато на центральном столе лежал раскрытый журнал регистрации посетителей.

Последняя запись была сделана сегодняшней датой.

23:40. Виктория Соколова.

Следующая строка содержала имя, от которого у Михаила похолодели пальцы.

23:41. Михаил Волков.

Рядом стояла подпись.

Его собственная.

— Я ещё не пришёл, — сказал он вслух.

— Для этой книги время не имеет значения.

Голос раздался с верхней галереи.

Михаил поднял фонарь.

На балконе стоял мужчина в сером пальто. Худой, с короткими тёмными волосами и усталым лицом. Он выглядел старше Виктории лет на десять, хотя в глазах у него была какая-то пугающая неподвижность.

Даниил Соколов.

Брат Виктории.

— Ты должен был прийти один, — сказал Даниил.

— Виктория здесь?

— Да.

— Тогда почему я её не вижу?

Даниил посмотрел на часы.

— Потому что она пока не решила, хочет ли тебя видеть.

— А ты решил?

— Я ждал тебя семнадцать лет.

Михаил медленно опустил фонарь.

— Мы никогда не встречались.

— Ты уверен?

Даниил исчез за дверью галереи.

Михаил бросился к лестнице, перескочил через две ступени и оказался наверху. Коридор был пуст. В конце него виднелась приоткрытая дверь, за которой горел жёлтый свет.

На двери висела табличка:

АРХИВ НЕСУЩЕСТВУЮЩИХ ЛЮДЕЙ.

Михаил вошёл.

В комнате стояли металлические шкафы. На каждом была выгравирована фамилия. Некоторые он узнавал по газетным заголовкам: пропавшие дети, умершие учёные, политики, которые внезапно уходили в отставку, люди, объявленные погибшими, но никогда не найденные.

На стене висел экран.

На нём отображались три фотографии.

Виктория.

Даниил.

Михаил.

Под фотографиями горела надпись:

ПРОЕКТ «НАСЛЕДНИК». ФИНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ.

Даниил стоял у стола и держал в руках тонкую папку.

— Открой её, — сказал он.

— Что внутри?

— Ответ на вопрос, который ты задаёшь с самого детства.

— Кто мой отец?

— Нет.

Даниил покачал головой.

— Ты задаёшь неправильный вопрос.

Он положил папку на стол.

На обложке было напечатано:

СОЗДАТЕЛЬ ПРОЕКТА «НАСЛЕДНИК» — МИХАИЛ ВОЛКОВ.

Михаил не прикоснулся к ней.

— Это подделка.

— Возможно.

— Мне семнадцать лет.

— Твоему телу — семнадцать.

— А чему тогда восемнадцать?

Даниил впервые улыбнулся.

— Твоей памяти.

Он открыл папку.

Внутри лежали медицинские снимки, страницы с форму-

лами и несколько фотографий, сделанных в лаборатории. На одной из них мужчина в белом халате стоял перед большим стеклянным экраном. Лицо было частично скрыто отражением.

Но Михаил узнал собственные глаза.

Не похожие.

Именно собственные.

Под снимком стояла дата:

14 октября. Семнадцать лет назад.

— Кто это? — спросил Михаил.

— Человек, который придумал способ отделить воспоминание от того, кто его пережил.

— Я был младенцем.

— Ты был объектом исследования. А потом стал его участником. А затем — его автором.

— Это невозможно.

— Ты всё время говоришь это слово, когда приближаешься к правде.

Михаил перелистнул страницу.

Там была схема, похожая на разветвлённое дерево. В центре — круг с номером 0001. От него расходились линии к тысячам других номеров.

7318.

7319.

7320.

И ещё одна запись, обведённая красным:

ОБЪЕКТ 0001. НОСИТЕЛЬ ПЕРВИЧНОЙ ПАМЯТИ.

— Что такое первичная память?

Даниил не ответил.

Вместо этого он достал из кармана небольшой диктофон.

— Послушай.

Нажал кнопку.

Сначала послышался шум. Затем — голос мальчика.

— Если вы это слышите, значит, я опять забыл.

На несколько секунд Михаил потерял дар речи.

Голос был детским, но интонация принадлежала ему. Он произносил слова медленно, словно заранее знал, что слушатель не поверит ни одному из них.

— Меня зовут Михаил Волков. Мне семнадцать лет. Я не знаю, сколько раз я уже записывал это сообщение. Я не знаю, сколько раз меня заставляли начинать заново.

Пауза.

— Мама говорит, что я должен забыть. Папа говорит, что я должен помнить. А человек в белой маске говорит, что никакого меня никогда не было.

Послышался тихий всхлип.

— Но я помню красную дверь.

Диктофон щёлкнул.

Запись закончилась.

Михаил отступил от стола.

— Откуда это?

— Из архива, которого нет ни в одной системе.

— Когда записано?

— Восемь лет назад.

Михаил посмотрел на Даниила.

— Мне было девять.

— По твоим документам — да.

— А по-настоящему?

Даниил помолчал.

— Я не знаю, сколько тебе лет, Михаил. И никто больше не знает.

В этот момент за стеной раздался удар.

Один.

Затем второй.

Потом три быстрых.

Даниил резко обернулся.

— Она пришла.

— Кто?

Дверь архива открылась сама.

На пороге стояла Виктория.

В её руке был пистолет.

И направлен он был не на Даниила.

На Михаила.

— Отойди от папки, — сказала она.

— Вика?

— Отойди.

Михаил поднял руки.

— Что происходит?

Она смотрела на него так, будто впервые видела его лицо.

— Даниил рассказал мне, кто ты.

— И ты ему поверила?

— Нет.

Её палец дрогнул на спусковом крючке.

— Я поверила тому, что вспомнила сама.

Она сделала шаг вперёд.

— Михаил, ты был в этой библиотеке раньше.

— Нет.

— Ты был здесь со мной.

— Я никогда не встречал тебя до Нью-Йорка.

Виктория покачала головой.

— Мы были детьми. Мне было двенадцать. Тебе — неизвестно сколько. Ты сидел на полу, весь в крови, и держал меня за руку.

Она сглотнула.

— Ты сказал, что если я когда-нибудь снова тебя увижу, то должна убить тебя прежде, чем ты вспомнишь своё настоящее имя.

Михаил почувствовал, как в голове что-то сдвинулось.

На мгновение он увидел библиотеку другой.

Не заброшенной.

Полной света.

Книжные шкафы были целыми. За окном шёл снег. На полу сидел мальчик с окровавленными ладонями, а рядом с ним — девочка, прижимающая к груди плюшевого медведя.

Мальчик поднял голову.

Это был Михаил.

Но не семнадцатилетний.

Ему было лет девять.

Он улыбнулся девочке и произнёс:

«Если я забуду, ты должна помнить за нас обоих».

Воспоминание исчезло.

Михаил пошатнулся.

— Вика…

— Не называй меня так.

Она опустила пистолет на несколько сантиметров.

— Ты знал, что произошло с моими родителями?

— Нет.

— Ты знал, почему я оказалась в больнице?

— Нет.

— Ты знал, что Даниил нашёл меня не случайно?

Михаил молчал.

Виктория посмотрела на брата.

— Покажи ему последнюю страницу.

Даниил побледнел.

— Не сейчас.

— Покажи.

— Виктория, ты не понимаешь…

— Я восемь лет не помнила собственного детства. Семнадцать лет не знала, кто я такая. И каждый раз, когда мне казалось, что я нашла правду, ты забирал её у меня.

Она направила пистолет на Даниила.

— Больше не заберёшь.

Даниил медленно достал из папки последний лист.

На нём была фотография женщины с серыми глазами.

Елены Волковой.

Под фотографией стояло:

ОБЪЕКТ 0001. ПЕРВИЧНАЯ ЛИЧНОСТЬ.

Ниже — дата создания записи.

14 октября. 02:13.

И последняя строка:

СТАТУС: УНИЧТОЖЕНА.

Михаил поднял глаза.

— Елена мертва?

— Нет, — сказал Даниил. — Это означает, что её личность уничтожена.

— А кто тогда женщина, которую мы встретили в больнице?

Даниил закрыл папку.

— Вот это и есть правильный вопрос.

В библиотеке погас свет.

Из темноты раздался голос Елены Волковой:

— Даниил, отойди от моего сына.

Виктория резко повернулась к двери.

Михаил услышал шаги.

Медленные.

Уверенные.

И ещё один звук — тихий металлический щелчок.

Когда аварийные лампы вспыхнули, в дверном проёме стояла Елена.

Но теперь её глаза были не серыми.

Они были совершенно чёрными.

— Здравствуй, Михаил, — произнесла она. — Нам пора закончить то, что ты начал.

И подняла руку.

На её ладони лежал маленький ключ с номером 7319.

Глава 13. Первичная память

Михаил не мог отвести взгляд от ключа.

Он был точно таким же, как тот, который они нашли в архиве. Тот же металл, та же форма, те же четыре цифры.

Но на этом ключе цифры двигались.

Не физически. Они словно менялись местами прямо в его сознании.

7319.

3197.

1937.

И снова 7319.

— Не смотри на него, — крикнул Даниил.

Поздно.

Михаил моргнул — и оказался в другой комнате.

Белые стены.

Сильный запах антисептика.

За стеклом женщина в медицинском халате держала младенца. Рядом стоял мужчина, похожий на Александра Волкова, но моложе, с тёмными волосами и глубоким шрамом на подбородке.

— Он запомнит всё, — сказал мужчина.

— Он ребёнок, — ответила женщина.

— Именно поэтому. Его память ещё не защищена ложными связями.

— Ты хочешь использовать его как хранилище?

— Я хочу, чтобы никто больше не мог отнять у человека его прошлое.

Женщина посмотрела на младенца.

— Тогда зачем ты стираешь его собственное?

Мужчина не ответил.

Он повернулся к стеклу.

И посмотрел прямо на Михаила.

— Потому что однажды он сам попросит меня об этом.

Михаил попытался отступить.

Но тела у него не было.

Он был только наблюдателем внутри чужого воспоминания.

Мужчина поднял руку и приложил ладонь к стеклу.

— Если ты меня слышишь, сын, запомни: ты не обязан быть тем, кем тебя сделали.

Затем изображение раскололось.

Михаил снова стоял в библиотеке.

Виктория поддерживала его за плечи. Даниил лежал на полу, прижимая руку к груди. Елена стояла у стола, а ключ в её ладони больше не двигался.

— Что ты со мной сделала? — спросил Михаил.

— Ничего, — ответила она. — Я только открыла дверь.

— Какую дверь?

— Ту, которую ты сам закрыл.

— Я ничего не закрывал!

— Ты был первым, Михаил. Первым, кто понял, что память можно переписать. Первым, кто увидел, к чему это приведёт. И первым, кто попросил забыть.

Она подошла ближе.

— Ты создал систему не для того, чтобы контролировать людей. Ты создал её, чтобы спасти одного человека.

— Кого?

Елена посмотрела на Викторию.

— Её.

Виктория отшатнулась.

— Нет.

— Ты умирала, — сказала Елена. — Твоё тело перестало отвечать на лечение. Даниил не мог смириться. Он хотел сохранить тебя любой ценой. Михаил нашёл способ удержать воспоминания, личность, всё, что делает человека собой.

— Но это не я создал проект, — прошептал Михаил.

— Ты создал первый протокол. Даниил превратил его в систему. А потом Общество нулевого часа решило, что если память можно сохранять, её можно и продавать. Если личность можно восстановить, её можно и заменить.

— А ты?

Елена улыбнулась.

— Я пыталась остановить вас.

— Ты говорила, что была частью проекта.

— Я была частью того, что осталось от меня.

Михаил нахмурился.

— Объясни.

Елена посмотрела на свои руки.

— Настоящая Елена Волкова умерла семнадцать лет назад. Её воспоминания были сохранены в системе. Сначала это был простой набор данных. Потом Даниил научился связывать воспоминания в последовательную личность. Он создал меня заново.

— Значит, ты копия?

— Я — женщина, которая помнит, как родила тебя. Помнит твой первый крик. Помнит, как ты боялся грозы и прятался под одеялом. Если всё это не делает меня матерью, тогда я не знаю, что делает.

Она подняла глаза.

— Но я не та женщина, которую ты встретил в больнице.

Виктория побледнела.

— Кто же тогда была она?

— Другая копия. Более ранняя. С неполной памятью.

— Сколько вас?

Елена ответила не сразу.

— Достаточно, чтобы однажды вы перестали понимать, кто из вас оригинал.

Из коридора донёсся скрип.

Даниил попытался подняться, но закашлялся.

— Нам нужно уходить, — выдохнул он. — Они нашли библиотеку.

— Кто? — спросила Виктория.

— Общество. Они включили финальный протокол.

На экране за их спинами появилось сообщение:

ПРОТОКОЛ НУЛЕВОГО ЧАСА. ЗАПУСК ЧЕРЕЗ 00:17:00.

Под ним возник список имён.

Тысячи имён.

Затем первое исчезло.

Потом второе.

Третье.

Михаил смотрел, как буквы растворяются на экране, и понимал: речь шла не о том, что люди забудут свои имена.

Система собиралась стереть доказательства того, что эти люди когда-либо существовали.

— Как остановить запуск? — спросил он.

Даниил вытер кровь с губ.

— Нужен создатель.

— Ты только что сказал, что создатель — я.

— Ты создал первый протокол. Но для остановки нужен тот, кто его завершил.

— Кто?

Даниил посмотрел на сестру.

— Виктория.

В комнате повисла тишина.

— Что? — прошептала она.

— Ты была не просто объектом 7318. Ты была контрольным образцом. Система училась на твоей памяти. Все

остальные личности строились по тому же принципу.

Виктория покачала головой.

— Я не учёный.

— Ты не должна была им быть. Ты должна была жить.

— Тогда почему я?

Даниил закрыл глаза.

— Потому что Михаил не мог тебя отпустить.

Михаил почувствовал, как пол уходит из-под ног.

В голове вспыхнуло ещё одно воспоминание.

Девочка в больничной палате.

Монитор, на котором медленно выравнивалась линия.

Мальчик за стеклом кричал, чтобы её не отключали.

И голос взрослого мужчины:

«Если ты сохранишь её память, она сможет вернуться».

Михаил схватился за голову.

— Нет…

Елена подошла к нему.

— Ты хотел вернуть Викторию. Но система не умела возвращать человека. Она умела только собирать его из воспоминаний.

— А объект 7320? — спросил Михаил. — Третий ребёнок?

Даниил посмотрел на него.

— Это не ребёнок.

— Тогда кто?

— Тот, кто остался после первой попытки.

В коридоре снова раздались шаги.

На этот раз их было много.

Елена повернулась к двери.

— Времени больше нет.

Она протянула Михаилу ключ 7319.

— Найди комнату, которой нет на плане библиотеки. Там находится первичная память. Если ты её откроешь, всё закончится.

— А если я не открою?

— Тогда через семнадцать минут никто в этом городе не вспомнит, кем был.

Михаил взял ключ.

— А ты?

Елена посмотрела на него с бесконечной усталостью.

— Я уже умирала однажды, сын. Не заставляй меня пережить это снова.

Глава 14. Комната без номера

Вход в подземный этаж находился за шкафом с книгами по истории Нью-Йорка.

Даниил показал его, пока Виктория пыталась остановить кровь на его боку. Елена осталась наверху, чтобы задержать людей, которые уже приближались к архиву.

— Ты не пойдёшь с нами? — спросил Михаил.

— Я не смогу пройти через дверь, — ответил Даниил.

— Почему?

— Потому что она узнает меня.

— Кто?

Даниил посмотрел на ключ в руке Михаила.

— Твоя память.

Он нажал скрытую кнопку. Шкаф отъехал в сторону, открыв узкую лестницу, уходящую в темноту.

Виктория первой спустилась вниз.

Михаил задержался.

— Ты действительно нашёл её случайно? — спросил он.

Даниил не стал притворяться, будто не понял.

— Нет.

— Ты знал, кто она.

— Да.

— И знал, кто я.

— Да.

— Тогда зачем ты позволил нам встретиться?

Даниил поднял на него глаза.

— Потому что в первый раз, когда я увидел тебя, ты плакал и просил меня спасти сестру. А во второй раз ты пришёл ко мне и попросил сделать так, чтобы ты никогда этого не помнил.

Михаил молчал.

— Я выполнил обе просьбы, — продолжил Даниил. — И обе оказались ошибкой.

Он протянул ему маленький металлический жетон.

На одной стороне было выгравировано 7320.

На другой — имя.

АЛЕКСАНДР ВОЛКОВ.

— Если увидишь человека с этим номером, не пытайся его остановить, — сказал Даниил. — Попробуй вспомнить, кем он был до того, как стал твоим отцом.

— Ты говоришь загадками.

— Потому что прямые ответы здесь опаснее лжи.

Михаил спрятал жетон и спустился.

Лестница закончилась перед стальной дверью. На ней не было ни ручки, ни замочной скважины. Только круглая пластина с отпечатком ладони.

Виктория стояла рядом.

— Что теперь?

Михаил приложил ключ 7319 к пластине.

Ничего.

Он повернул ключ в пальцах, и тогда заметил надпись на обратной стороне.

КЛЮЧ НЕ ОТКРЫВАЕТ ДВЕРЬ. ОН НАПОМИНАЕТ, КОМУ ОНА ПРИНАДЛЕЖИТ.

Михаил закрыл глаза.

Попытался вспомнить.

Красная дверь.

Белая комната.

Мать.

Два мальчика.

Девочка, которая умирала.

И собственный голос — детский, испуганный, но упрямый:

«Я не хочу, чтобы она исчезла».

Михаил приложил ладонь к пластине.

Дверь открылась.

За ней находилась небольшая круглая комната. Посередине стояло кресло, окружённое стеклянными панелями. На стенах не было экранов, проводов или приборов. Только тысячи маленьких бумажных карточек.

На каждой — имя.

Некоторые были написаны от руки.

Другие напечатаны.

А часть карточек была совершенно пустой.

В центре комнаты находился старый настенный телефон.

Он зазвонил.

Михаил снял трубку.

— Алло?

— Ты опоздал, — сказал голос отца.

Михаил закрыл глаза.

— Папа?

— Не называй меня так.

Голос был спокойным и усталым.

— У тебя осталось четыре минуты. После этого система уничтожит все связи между воспоминаниями и людьми.

— Как остановить её?

— Ты уже знаешь.

— Нет.

— Знаешь. Просто боишься вспомнить.

Михаил посмотрел на Викторию. Она стояла неподвижно, сжав руки в кулаки.

— Кто ты? — спросил он.

— Человек, которого ты попросил сохранить.

— Ты Александр Волков?

На другом конце линии послышался тихий смешок.

— Я — воспоминание Александра Волкова. Как и та женщина, которую ты называешь матерью. Как и многие другие, которых ты встретил.

Михаил почувствовал, как внутри него что-то обрывается.

— Значит, мой настоящий отец умер?

— Да.

— Семнадцать лет назад?

— Нет. Восемь лет назад.

Михаил вспомнил мужчину в архиве, который выглядел точно так же, как его отец.

— Тогда кто был в подземном хранилище?

— Тот, кто считал себя мной.

— А человек на крыше?

— Ещё одна версия.

Михаил сжал трубку.

— Сколько вас?

— Достаточно.

— И кто из вас настоящий?

На этот раз голос долго молчал.

— Тот, кого ты помнишь.

В комнате погас свет.

На стеклянных панелях появились строки текста.

ОБНАРУЖЕН ПЕРВИЧНЫЙ НОСИТЕЛЬ.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ: МИХАИЛ ВОЛКОВ.

ВОССТАНОВИТЬ ПОЛНУЮ ПАМЯТЬ?

Две кнопки.

ДА.

НЕТ.

Михаил смотрел на них.

— Если я нажму «да», что произойдёт?

— Ты вспомнишь всё, — ответил голос отца. — И поймёшь, почему сам попросил стереть свою память.

— А если «нет»?

— Город забудет себя.

Виктория подошла ближе.

— Михаил, не слушай его.

Он повернулся к ней.

— Почему?

— Потому что я вспомнила ещё кое-что.

Она достала из кармана сложенную бумагу.

На ней был детский рисунок: три фигуры перед красной дверью. Два мальчика и девочка. Над каждым стоял номер.

7318.

7319.

7320.

Но внизу рисунка была подпись, которой раньше не было.

«МЫ НЕ БЫЛИ ДЕТЬМИ. МЫ БЫЛИ ВОСПОМИНАНИЯМИ О ДЕТЯХ».

— Что это значит? — прошептал Михаил.

Виктория посмотрела ему прямо в глаза.

— Я думаю, нас никогда не было в одной комнате одновременно. Все наши воспоминания о детстве были созданы позже. Мы помним друг друга, потому что нас научили помнить.

— Но ты настоящая.

— Я чувствую, что настоящая.

— Этого достаточно.

— А если этого недостаточно для системы?

Экран мигнул.

ОСТАЛОСЬ 02:13.

Михаил посмотрел на часы.

Они остановились.

Разумеется.

Всегда 02:13.

— Папа, — сказал он в трубку, — ты знаешь, что находится за этой системой?

— Да.

— Что?

— Ты.

На экране появилась новая строка.

ВОССТАНОВИТЬ ПЕРВИЧНУЮ ПАМЯТЬ.

Михаил положил трубку.

Он вспомнил мальчика в белой комнате. Вспомнил, как тот плакал, когда ему объяснили, что его сестра умерла. Вспомнил, как он попросил учёных сохранить её голос, её улыбку, её воспоминания.

А потом вспомнил самое страшное.

Мальчик не был Михаилом.

Мальчик был тем, кем Михаил когда-то хотел стать.

Человеком, который мог вернуть мёртвых.

Михаил подошёл к панели.

И нажал «ДА».

Все карточки на стенах вспыхнули белым светом.

Имена начали возвращаться.

Тысячи людей в Нью-Йорке одновременно остановились посреди улиц. Кто-то заплакал. Кто-то упал на колени. Кто-то впервые за много лет вспомнил лицо собственной матери.

В больницах пациенты назвали свои имена.

В полицейских участках открылись дела, которые считались несуществующими.

В закрытых архивах появились документы о людях, официально никогда не рождённых.

Михаил видел всё это не глазами, а словно изнутри системы.

И вместе с памятью к нему вернулась правда.

Он помнил красную дверь.

Помнил больницу.

Помнил отца, который действительно любил его.

И помнил, кто такой объект 7320.

Не третий ребёнок.

Не копия Александра.

Не искусственная личность.

Сам Михаил.

Только не тот Михаил, который стоял сейчас в комнате.

А тот, кто первым создал эту систему — взрослый Михаил, пришедший из будущего, чтобы спасти Викторию и переписавший собственное прошлое, чтобы никто не смог использовать его изобретение.

Система не создавала его воспоминания.

Она возвращала их.

Михаил рухнул на колени.

Виктория бросилась к нему.

— Что ты вспомнил?

Он поднял голову.

В его глазах больше не было растерянности.

— Я вспомнил, почему мы должны были встретиться.

— Почему?

Он посмотрел на экран.

Последняя строка сменилась новой:

ПРОТОКОЛ НУЛЕВОГО ЧАСА ОСТАНОВЛЕН.

А затем появилась ещё одна.

ПЕРВИЧНЫЙ НОСИТЕЛЬ ВОССТАНОВЛЕН.

СЛЕДУЮЩИЙ ЭТАП: ОБНАРУЖИТЬ ОРИГИНАЛ.

Михаил медленно поднялся.

— Потому что мы уже встречались, Вика.

Он взял её за руку.

— И ты умерла тогда.

Виктория отступила.

— Что?

— А я создал весь этот мир, чтобы однажды снова тебя найти.

Сверху раздался глухой удар.

Затем ещё один.

Кто-то пытался открыть дверь библиотеки.

Михаил посмотрел на часы.

Стрелки наконец сдвинулись.

С 02:13 на 02:14.

И впервые за семнадцать лет время пошло вперёд.

Но на стеклянной панели появилось последнее сообщение.

ОРИГИНАЛ ОБНАРУЖЕН.

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ: ЗАРЕЧЕНСК.

СТАТУС: ЖИВ.

Он на миг забыл, как дышать.

Зареченск.

Город, из которого, как подсказывала память, он уехал семнадцать лет назад.

Город, где, как он всегда считал, прошло его детство.

На экране возникла фотография небольшого дома с облупившейся синей дверью.

А под ней — снимок мальчика лет девяти.

Того самого мальчика, которого Михаил только что видел в воспоминании.

На обороте фотографии была надпись:

«НЕ ИЩИ СВОЁ ПРОШЛОЕ. ОНО ИЩЕТ ТЕБЯ».

Виктория посмотрела на него.

— Михаил… кто этот мальчик?

Он долго молчал.

Затем ответил:

— Не знаю.

И впервые за всю ночь это была правда.

Глава 15. Дом с синей дверью

Зареченск. 06:12.

В тот момент, когда Михаил увидел фотографию, он почувствовал запах мокрой земли.

Это было странно. Они находились глубоко под старой библиотекой в Нью-Йорке, вокруг стояли металлические стены, а воздух пах пылью и озоном.

Но запах был настоящим.

Запах осенней земли после дождя.

Запах его детства.

Михаил закрыл глаза.

И услышал, как где-то далеко скрипит калитка.

— Мы должны ехать в Россию, — сказал он.

Виктория не ответила.

Она смотрела на экран, где фотография мальчика медленно увеличивалась. На заднем плане виднелось окно второго этажа. За стеклом стоял мужчина.

Мужчина был похож на Михаила.

Но не на семнадцатилетнего.

Он выглядел лет на сорок, с сединой на висках и глубоким шрамом над левой бровью.

В руках он держал лист бумаги.

На листе было написано:

«ЕСЛИ ТЫ СМОТРИШЬ НА ЭТО, ЗНАЧИТ, ПЕРВАЯ

ВЕРСИЯ НЕ СРАБОТАЛА».

— Это ты? — спросила Виктория.

Михаил приблизился к экрану.

— Не знаю.

— Ты постоянно так говоришь.

— Потому что мне постоянно показывают людей, которыми я мог быть.

Виктория отвернулась.

— А если однажды ты вспомнишь, что всё это время лгал мне?

— Тогда я скажу тебе правду.

— Даже если она разрушит всё?

Михаил посмотрел на неё.

— Особенно тогда.

В этот момент экран погас.

В темноте раздался голос:

— Не едьте в Зареченск.

Михаил резко обернулся.

В углу комнаты стоял человек в белой маске.

Тот самый.

Он не двигался, не дышал заметно, не делал ни малейшей попытки приблизиться.

Но Михаил уже знал: опаснее всего здесь были не те, кто нападал.

Опаснее были те, кто заранее знал, что ты сделаешь.

— Ты снова, — сказал Михаил.

— Я никогда не уходил.

— Кто ты?

Человек наклонил голову.

— Ты знаешь ответ.

— Нет.

— Тогда почему ты каждый раз просыпаешься с ощущением, что кто-то должен был умереть вместо тебя?

Михаил не ответил.

Белая маска повернулась к Виктории.

— А ты, наконец, вспомнила?

Виктория побледнела.

— Что?

— Кто из вас двоих первым попросил другого забыть.

Она сделала шаг назад.

— Это был Михаил.

— Нет.

Человек в маске поднял руку и указал на неё.

— Это была ты.

Виктория застыла.

Михаил бросился к незнакомцу, но тот уже исчез.

На полу осталась маленькая бумажная карточка.

На ней было написано всего одно слово:

«МАМА».

Михаил поднял карточку.

На обратной стороне стоял адрес.

Зареченск.

Улица Садовая, дом 17.

Дом с синей дверью.

В аэропорту Виктория почти не разговаривала.

Она сидела у окна, смотрела на взлётную полосу и время от времени проверяла телефон. Даниил не отвечал. Елена тоже исчезла из всех систем.

Когда Михаил попытался найти её фотографию, поисковая программа выдала сообщение:

ЛИЧНОСТЬ НЕ НАЙДЕНА.

Он повторил запрос.

Результат не изменился.

— Её больше нет? — спросила Виктория.

— Не знаю.

— Михаил.

Он посмотрел на неё.

— Если она была только воспоминанием, то что с ней произошло, когда ты восстановил первичную память?

— Возможно, она исчезла.

— А если она была настоящей?

Михаил отвёл взгляд.

— Тогда мы должны её найти.

Самолёт начал посадку.

И именно в этот момент телефон Виктории завибрировал.

Сообщение пришло с неизвестного номера.

«НЕ ВОЗВРАЩАЙСЯ ДОМОЙ. ТВОЯ МАТЬ ЖДЁТ ТЕБЯ В ЗАРЕЧЕНСКЕ».

Следом пришла фотография.
Маленькая кухня.
Старый стол.
Белая чашка с трещиной у ручки.
За окном — снег.
Виктория медленно приблизила изображение.
— Я знаю эту кухню.
— Откуда?
Она закрыла глаза.
— Мне снилась она каждую ночь после больницы.
Михаил почувствовал, как сердце ударило сильнее.
— Это дом на Садовой?
Виктория покачала головой.
— Нет.
Она указала на фотографию.
— Это дом, в котором я никогда не жила.
Пауза.
— Но я помню, как моя мать умерла в этой кухне.

Глава 16. Семнадцать лет назад

Зареченск встретил их туманом.

Небольшой город почти не изменился. Те же пятиэтажки, тот же железнодорожный переезд, та же водонапорная башня на окраине. На автобусной остановке висело выцветшее расписание, а возле продуктового магазина старик кормил голубей из бумажного пакета.

Михаил помнил это место.

И одновременно не узнавал его.

В детстве всё казалось больше. Дороги — длиннее, деревья — выше, а дом на Садовой — настоящей крепостью, за стенами которой нельзя было причинить ему вред.

Теперь дом выглядел маленьким и заброшенным.

Синяя дверь облупилась. На крыльце лежала сухая ветка. На окнах первого этажа висели старые занавески.

Но из трубы шёл дым.

— Здесь кто-то живёт, — сказала Виктория.

Михаил подошёл к двери.

На косяке были царапины.

Он провёл пальцами по дереву и почувствовал, как память отзывается болью.

Три короткие царапины.

Одна длинная.

Так он отмечал свой рост, когда был ребёнком.

Он помнил, как отец смеялся, когда Михаил пытался дотянуться до верхней отметки.

«Ещё немного, сын. Скоро перерастёшь меня».

Михаил убрал руку.

— Не может быть.

— Что?

— Отец исчез, когда мне было девять. Но эти отметки сделаны позже.

Виктория посмотрела на дверь.

— Может, здесь жил кто-то другой?

Михаил покачал головой.

На верхней отметке было написано его имя.

МИША. 17 ЛЕТ.

Краска ещё не высохла.

Он постучал.

В доме раздались шаги.

Медленные, шаркающие.

Дверь открылась.

На пороге стояла пожилая женщина с седыми волосами и серыми глазами.

Воздух застрял у Михаила в груди.

Он узнал её мгновенно.

Не потому, что помнил лицо.

Потому что всю жизнь видел его во сне.

— Здравствуй, сынок, — сказала женщина.

Михаил не мог произнести ни слова.

Виктория стояла рядом, сжав его руку.

— Кто вы? — наконец спросил он.

Женщина улыбнулась.

— Ты правда забыл?

— Вы моя мать?

Она посмотрела на Викторию.

— Нет.

Потом снова на Михаила.

— Я твоя бабушка.

Она отступила в сторону, пропуская их внутрь.

Дом был тёплым. На кухне стоял самовар, на плите кипел чайник. На стене висели часы с деревянным маятником.

Они показывали 02:13.

Михаил посмотрел на них.

— Почему все часы показывают это время?

Женщина закрыла дверь.

— Потому что именно тогда всё началось.

— Что началось?

Она сняла с полки старую жестяную коробку и поставила её на стол.

— Семнадцать лет назад твой отец принёс тебя сюда.

Михаил нахмурился.

— Отец исчез, когда мне было девять.

— Тот, кого ты называл отцом, исчез. А настоящий Александр пришёл ко мне за несколько часов до твоего рождения.

Она открыла коробку.

Внутри лежали фотографии, медицинские документы и маленькая детская варежка.

На фотографии мужчина с шрамом над бровью стоял возле родильного отделения. Рядом с ним была молодая женщина с серыми глазами.

Михаил узнал её.

Елена Волкова.

Но на этой фотографии она была беременна.

На обороте рукой Александра было написано:

«РЕБЁНОК ДОЛЖЕН РОДИТЬСЯ ОДИН. ЕСЛИ ИХ БУДЕТ ДВОЕ, ВСЁ НАЧНЁТСЯ СНОВА».

— Что это значит? — спросил Михаил.

Бабушка села напротив.

— Твоя мать родила троих.

В комнате стало тихо.

— Троих? — переспросила Виктория.

— Один ребёнок умер при родах. Второй прожил несколько минут. Третий выжил.

Михаил посмотрел на документы.

Три свидетельства о рождении.

Три имени.

Но даты были одинаковыми.

14 октября.

Время рождения:

02:11.

02:12.

02:13.

Михаил почувствовал, как у него немеют пальцы.

— Кто был первым?

Женщина указала на первую запись.

Михаил Александрович Волков.

— Ты.

Затем на вторую.

Михаил Александрович Волков.

— Тоже ты.

И на третью.

Александр Михайлович Волков.

Михаил отшатнулся.

— Нет.

— Первый ребёнок прожил меньше минуты. Второй родился без признаков жизни. А третий…

Она замолчала.

— Что третий?

— Третий не был ребёнком твоей матери.

Виктория медленно поднялась.

— Тогда чьим?

Бабушка посмотрела на неё.

— Твоим.

Виктория застыла.

— Это невозможно.

— Ты родилась в тот же день. В другой больнице. Но когда твоя мать умерла, тебя привезли сюда.

— Моя мать жива, — прошептала Виктория.

— Та, которую ты помнишь, — да. Та, которая тебя родила, — нет.

Виктория покачала головой.

— Вы врёте.

— Я бы хотела.

Бабушка достала из коробки ещё одну фотографию.

На ней были две женщины.

Одна — Елена Волкова.

Другая — незнакомка с тёмными волосами.

Между ними стояли три младенца.

На обратной стороне было написано:

«ДВА РЕБЁНКА. ОДНА ПАМЯТЬ. ТРИ ЖИЗНИ».

Михаил почувствовал, как комната начинает вращаться.

— Кто третий ребёнок? — спросил он.

Бабушка посмотрела на часы.

Маятник остановился.

— Он уже идёт сюда.

В дверь постучали.

Три раза.

Потом раздался голос, которого Михаил не слышал семнадцать лет.

— Мама, открой. Это Саша.

Бабушка побледнела.

Виктория схватила Михаила за руку.

— Не открывай.

— Почему?

Она смотрела на дверь, не моргая.

— Потому что я помню этот голос.

Снаружи снова постучали.

— Мама, я знаю, что ты там.

Голос стал тише.

— Я пришёл забрать своего сына.

Михаил подошёл к окну и осторожно отодвинул занавеску.

На крыльце стоял Александр Волков.

Тот самый мужчина, которого он видел в архиве.

Тот самый отец, который исчез, когда ему было девять.

Только теперь у мужчины не было шрама.

И в руках он держал детскую фотографию Михаила.

Снимок, сделанный за день до его рождения.

Мужчина поднял голову, словно почувствовал взгляд из окна.

И улыбнулся.

— Я знаю, что ты там, Михаил.

Затем он произнёс слова, от которых у Михаила остановилось сердце:

— Ты ведь тоже помнишь, как убил меня?

Глава 17. Человек за дверью

Никто не двигался.

Даже чайник перестал свистеть.

Михаил стоял у окна, глядя на мужчину, который называл себя его отцом.

Виктория держала его за запястье так крепко, что пальцы побелели.

— Не открывай, — повторила она.

— Я не собираюсь.

— Ты не понимаешь. Он не должен был сюда прийти.

— Почему?

Виктория посмотрела на фотографию в руках мужчины.

— Потому что этот снимок был сделан до твоего рождения.

— И что?

— Я видела его раньше.

Она достала телефон и открыла фотографию, которую получила в самолёте.

На снимке была та же кухня. Та же треснувшая чашка. Та же женщина у окна.

Но за столом сидел мальчик.

Михаил.

Ему было лет девять.

На коленях он держал фотографию мужчины с крыльца.

И плакал.

— Это не воспоминание, — прошептала Виктория. — Это предупреждение.

Снаружи мужчина поднял руку и постучал ещё раз.

— Михаил, я не хочу причинять тебе вред.

— Тогда скажи, кто ты! — крикнул Михаил через дверь.

— Я твой отец.

— Мой отец умер!

— Нет. Ты заставил меня умереть.

Михаил почувствовал резкую боль за глазами.

Перед ним вспыхнуло изображение: тот же дом, та же дверь, только вокруг стояли люди в белых халатах. Маленький Михаил держал в руках металлический предмет. На полу лежал мужчина.

Кровь растекалась по деревянным доскам.

Мальчик смотрел на собственные руки и шептал:

«Я не хотел. Я не знал, что он настоящий».

Михаил отшатнулся от окна.

— Я убил его…

— Нет, — сказала Виктория. — Это не обязательно было с тобой.

— Я видел.

— Воспоминание можно подделать.

— А если нельзя?

Виктория не ответила.

Бабушка медленно подошла к двери.

— Саша, уходи.

Снаружи наступила тишина.

— Ты обещала, мама.

— Я обещала сохранить его жизнь.

— Ты сохранила не его. Ты сохранила ошибку.

Бабушка закрыла глаза.

— Прости меня.

— Открой дверь.

— Нет.

Мужчина тихо рассмеялся.

— Тогда он сам её откроет.

В ту же секунду часы на стене пошли.

Маятник качнулся.

02:14.

02:15.

02:16.

Михаил почувствовал, как в голове открывается что-то огромное, древнее и совершенно чужое.

Он услышал тысячи голосов.

Тысячи людей называли свои имена.

Тысячи людей вспоминали собственные жизни.

И один голос среди них произнёс:

«Объект 7320 активирован».

Дверная ручка медленно повернулась.

Бабушка отступила.

Виктория достала пистолет.

Он остался на месте.

Он смотрел на дверь и вдруг понял, что больше не боится.

Потому что вспомнил самое главное.

Мужчина за дверью действительно был его отцом.

Но не Александром Волковым.

Его звали Михаил Волков.

И он был старше сына на тридцать лет.

Дверь распахнулась.

На пороге стоял мужчина с сединой на висках и шрамом над бровью.

Он посмотрел на Михаила с бесконечной печалью.

— Наконец-то, — сказал он. — Ты вспомнил.

Затем достал из кармана фотографию.

На ней были два мужчины.

Один — тот, кто стоял сейчас на крыльце.

Другой — Михаил, каким он выглядел бы в сорок лет.

Между ними стоял мальчик девяти лет.

И под фотографией было написано:

«ОТЕЦ. СЫН. ОРИГИНАЛ».

Мужчина протянул снимок Михаилу.

— У нас мало времени. Общество уже знает, что ты вернулся. Они придут за тобой сегодня ночью.

— Кто ты?

Мужчина улыбнулся.

— Я — тот, кем ты станешь, если позволишь системе закончить работу.

Михаил посмотрел на него.

— А если не позволю?

Улыбка исчезла.

— Тогда ты узнаешь, почему я вернулся из будущего, чтобы убить собственного сына.

Виктория подняла пистолет.

— Ни шагу ближе!

Мужчина даже не взглянул на неё.

— Виктория, — сказал он, — ты уже убивала меня однажды. Не повторяй эту ошибку.

Её рука задрожала.

— Я тебя не знаю.

— Конечно. Ты попросила стереть это воспоминание.

Он повернулся к Михаилу.

— Как и ты попросил стереть всё остальное.

Затем мужчина достал из кармана маленький электронный прибор и нажал кнопку.

В доме погас свет.

А когда он снова включился, на кухне никого не было.

Ни мужчины.

Ни бабушки.

Ни даже Виктории.

Михаил остался один.

На столе лежала записка.

«ТЫ НЕ МОЖЕШЬ СПАСТИ ТОГО, КОГО САМ СОЗДАЛ».

Под запиской находился ключ.

На этот раз без номера.

И на стене, прямо над остановившимися часами, появилась надпись, написанная чёрной краской:

«МЫ УЖЕ ВНУТРИ».

Михаил медленно повернулся к окну.

За стеклом стояли люди в белых масках.

Десятки.

Сотни.

Они окружали дом со всех сторон.

И каждый держал в руках фотографию Михаила Волкова.

Но на каждой фотографии был разный человек.

Глава 18. Лица одного человека

Зареченск. 06:19.

Первое, что сделал Михаил, — проверил пульс.

Свой.

Второе — обернулся к двери.

Третье — позвал Викторию.

Ответа не было.

Дом опустел за несколько секунд. Чайник исчез с плиты, фотографии пропали со стола, а на месте, где сидела бабушка, остался только круглый след от чашки.

Михаил провёл пальцем по деревянной поверхности.

Пыль.

Сухая, старая пыль.

Будто здесь никто не жил много лет.

Он бросился к окну.

Люди в белых масках всё ещё стояли вокруг дома. Некоторые были высокими, другие — невысокими. Одни носили пальто, другие — больничные халаты. У одного на шее висел детский рюкзак.

Но лица на фотографиях были одинаковыми.

Лицами Михаила.

Седой мужчина.

Подросток.

Маленький мальчик.

Мужчина с обожжённой половиной лица.

Мужчина, который выглядел ровесником Михаила, но имел совершенно мёртвый взгляд.

Каждый держал свою фотографию так, словно предъявлял документ.

Михаил отступил от окна.

На стене над часами появилась новая надпись.

«ВЫХОД ЕСТЬ. НО ОН НЕ СНАРУЖИ».

Он посмотрел на ключ без номера.

Металл был холодным, хотя дом оставался тёплым.

Михаил подошёл к двери в подвал.

Он не помнил, чтобы в доме был подвал.

Но теперь видел ручку, которой раньше не замечал, и узкую полоску света под дверью.

Ключ подошёл идеально.

Внизу пахло сыростью и старой бумагой.

Ступени уходили глубоко под землю. На стенах висели семейные фотографии, но лица на них были вырезаны. На некоторых снимках оставались только руки, на других — пустые места между людьми.

В конце лестницы стояла металлическая дверь.

На ней было написано:

КОМНАТА ВОСПОМИНАНИЙ. ДОСТУП: ОБЪЕКТ 7319.

Михаил приложил ладонь к панели.

Дверь открылась.

За ней находился небольшой кабинет.

Стол. Стул. Старый компьютер. Два стакана воды.

И на стене — фотография, от которой у Михаила перехватило дыхание.

Он увидел себя ребёнком.

Рядом сидел Александр Волков.

Отец обнимал его за плечи.

Оба улыбались.

Снимок выглядел обычным, почти домашним. Но на заднем плане была видна женщина в белом халате.

Елена.

А под фотографией стояла дата:

14 октября. 02:13.

Михаил перевернул снимок.

На обратной стороне было написано:

«Миша, если ты нашёл эту комнату, значит, я снова не смог тебя защитить. Не верь фотографиям. Не верь документам. И никогда не верь человеку, который помнит твоё детство лучше тебя самого».

Подпись:

ПАПА.

Михаил перечитал её дважды.

Почерк был настоящим.

Он помнил его.

Отец всегда писал букву «М» с необычно длинной первой линией.

Михаил сел на стул и включил компьютер.

На экране появился единственный файл.

«ПЕРВАЯ ВЕРСИЯ. НЕ ОТКРЫВАТЬ ДО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПАМЯТИ».

Он нажал на файл.

Экран потемнел.

А затем появилось видео.

На записи был кабинет, похожий на этот. Перед камерой сидел мужчина лет сорока. Седина на висках, шрам над бровью, усталые глаза.

Михаил узнал его.

Человек с крыльца.

— Если ты смотришь это видео, — произнёс мужчина, — значит, я не сумел остановить тебя в прошлый раз.

Он тяжело вздохнул.

— Я знаю, что ты думаешь. Ты считаешь меня собой из будущего. Это почти правда. Но не вся.

Мужчина наклонился к камере.

— Я не твой будущий вариант, Михаил. Я — результат твоего решения.

На экране возникла схема.

Один человек.

Два воспоминания.

Три личности.

— Когда тебе было девять, ты потерял отца. Не в прямом смысле. Его тело исчезло, но память о нём осталась. Ты не

смог принять это. Ты хотел вернуть его. Хотел вернуть всё, что потерял. Поэтому ты начал создавать модель человека по его воспоминаниям.

Михаил смотрел на экран, не моргая.

— Но ты был ребёнком, и твоя модель оказалась нестабильной. Она помнила отца, но не понимала, что значит быть им. Тогда ты сделал вторую версию. Затем третью. Ты повторял процесс снова и снова, пока одна из версий не научилась верить, что она настоящая.

Мужчина замолчал.

— Этой версией был я.

На экране появилась надпись:

ОБЪЕКТ 7320. ПЕРВАЯ УСПЕШНАЯ КОПИЯ.

— Я не родился, Михаил. Меня создали из твоих воспоминаний, страхов и надежд. Но я прожил достаточно долго, чтобы обрести собственные воспоминания. Я стал отдельным человеком. И когда понял, что ты собираешься сделать дальше, попытался остановить тебя.

— Что я собирался сделать? — прошептал Михаил.

Будто услышав его, мужчина на записи ответил:

— Ты собирался стереть оригинал.

Видео оборвалось.

Компьютер перезагрузился.

На экране появилось сообщение:

ОРИГИНАЛ НЕ ОБНАРУЖЕН.

Михаил медленно встал.

Он понял, что всё это время искал не человека, который создал систему.

Он искал человека, которого система не могла найти.

Себя.

Но если тот, кто стоял на крыльце, был копией…

Если мужчина в архиве был копией…

Если мать, которую он встретил, была копией…

Тогда кто был оригиналом?

В этот момент компьютер издал короткий сигнал.

Открылось новое сообщение.

«ОРИГИНАЛ НЕ УМЕР. ОН ПРОСТО НЕ ПОМНИТ, ЧТО ОН ОРИГИНАЛ».

И ниже:

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ: КОМНАТА 14. БОЛЬНИЦА СВЯТОЙ АГНЕС.

Михаил закрыл глаза.

Он снова должен был вернуться в Нью-Йорк.

Но прежде чем он успел выйти из подвала, за спиной раздался детский голос:

— Ты обещал, что больше не будешь меня искать.

Михаил обернулся.

В дверном проёме стоял мальчик лет девяти.

Тёмные волосы.

Серые глаза.

Его собственное лицо.

Мальчик держал в руках маленькую деревянную машин-

ку.

— Кто ты? — спросил Михаил.

Мальчик посмотрел на него с обидой.

— Ты опять забыл.

— Я тебя не знаю.

— Знаешь.

Мальчик опустил машинку.

— Ты просто решил, что если забудешь меня, то сможешь жить дальше.

Он поднял глаза.

— Но я ведь и есть ты.

Глава 19. Мальчик в подвале

Михаил не сделал ни шага.

Мальчик стоял в нескольких шагах от него, босой, в старой пижаме с синими полосками. На правом колене была заплатка. На левой руке — тонкий белый шрам.

Михаил помнил этот шрам.

Он появился, когда ему было семь лет. Он упал с велосипеда возле железнодорожного переезда, а отец нёс его домой на руках.

Но мальчик перед ним не мог быть воспоминанием.

Он дышал.

Моргал.

Сжимал деревянную машинку так сильно, что побелели пальцы.

— Как тебя зовут? — спросил Михаил.

— Ты знаешь.

— Скажи.

Мальчик нахмурился.

— Михаил.

— Полностью.

— Михаил Александрович Волков.

Михаил почувствовал холод вдоль позвоночника.

— Сколько тебе лет?

— Девять.

— Какой сегодня день?

Мальчик посмотрел на часы.

— Четырнадцатое октября.

— Какой год?

— Ты же знаешь.

— Какой год?

Мальчик отвернулся.

— Не хочу отвечать.

— Почему?

— Потому что ты опять всё испортишь.

Михаил медленно присел, чтобы оказаться с ним на одном уровне.

— Послушай. Я не знаю, кто ты. Я не знаю, что происходит. Но если ты действительно я, ты должен мне помочь.

Мальчик посмотрел ему в глаза.

— А если ты не настоящий?

Вопрос прозвучал тихо.

Но Михаил не нашёлся, что ответить.

Мальчик подошёл к столу и положил машинку рядом с компьютером.

— Ты всегда задаёшь этот вопрос неправильно, — сказал он. — Ты спрашиваешь, настоящий ли ты. А нужно спрашивать, кто тебя помнит.

— Что это значит?

— Если никто не помнит тебя, тебя не существует.

Михаил покачал головой.

— Это неправда.

— Тогда назови имя человека, который помнит тебя настоящего.

Он открыл рот.

И замолчал.

Мать?

Он не был уверен, что женщина, которую он видел, была его настоящей матерью.

Отец?

Он больше не знал, какой из Александров был настоящим.

Виктория?

Он помнил её голос, её лицо, прикосновение её руки. Но если воспоминания можно было создавать и переносить, откуда ему знать, что их знакомство действительно произошло?

Мальчик кивнул, словно услышал ответ.

— Вот видишь.

— А ты помнишь меня?

— Конечно.

— Кто я?

Мальчик долго смотрел на него.

— Ты тот, кто оставил меня здесь.

Михаил почувствовал, как внутри что-то оборвалось.

— Где здесь?

— В комнате, где нет времени.

— Я никогда не был здесь.

— Был.

Мальчик указал на стену.

За ней раздался тихий стук.

Три удара.

Пауза.

Ещё три.

Михаил подошёл ближе.

На стене проступили контуры двери. Он провёл пальцами по штукатурке, и та осыпалась, открыв узкую металлическую панель.

На ней было написано:

ПЕРВАЯ КАМЕРА. ДОСТУП: ОРИГИНАЛ.

Мальчик покачал головой.

— Не открывай.

— Почему?

— Потому что там ты увидишь, что сделал со мной.

— Я не мог ничего сделать. Мне было девять.

— Ты был девятилетним только снаружи.

Михаил повернулся.

Мальчик уже не выглядел испуганным.

В его глазах появилась взрослая усталость.

— Ты забыл, что происходило между твоими девятым и семнадцатым днями рождения.

— Моими днями рождения?

— Да. Время не шло так, как ты думаешь. Ты прожил го-

раздо больше, чем помнишь.

Михаил отступил.

— Сколько?

— Достаточно, чтобы создать меня.

Мальчик протянул ему машинку.

— Возьми.

— Зачем?

— Она открывает дверь.

Михаил взял игрушку. На днище была маленькая металлическая пластина с выгравированным номером.

0001.

Он повернул пластину.

Внутри машинки что-то щёлкнуло.

Металлическая дверь в стене открылась.

За ней была белая комната.

В центре стояло кресло.

На стене висел монитор.

А в кресле сидел человек.

Михаил сделал шаг вперёд.

Человек был худым, с короткими тёмными волосами. На его запястьях были закреплены датчики, а на груди — больничный браслет.

Он медленно поднял голову.

У него было лицо Михаила.

Но глаза были другими.

Они были серыми, почти прозрачными, и в них отражался

свет монитора.

— Наконец-то, — сказал человек.

Мальчик за спиной Михаила тихо произнёс:

— Не разговаривай с ним.

Михаил не обернулся.

— Кто ты?

Человек в кресле улыбнулся.

— Я — оригинал.

Михаил почувствовал, как комната накренилась.

— Тогда кто я?

— Ты — последняя копия, которая решила, что она первая.

— Нет.

— Да.

Человек указал на монитор.

На экране было видео.

Маленький Михаил стоял перед стеклянной стеной. По другую сторону находился тот же человек, который сидел сейчас в кресле.

Ребёнок плакал.

— Пожалуйста, — говорил он. — Не стирайте меня.

Взрослый Михаил смотрел на него с другой стороны стекла.

И произносил:

— Ты не настоящий. Ты только память о том, кем я был.

Затем взрослый нажимал кнопку.

Экран становился чёрным.

Михаил отшатнулся.

— Это подделка.

— Конечно, — сказал человек в кресле. — Всё здесь может быть подделкой. В этом и заключается проблема.

Он поднял руку, показывая браслет.

На нём был номер:

0001.

— Ты пришёл за правдой, Михаил. Но правда не даст тебе того, чего ты хочешь.

— Чего же я хочу?

— Чтобы кто-то сказал тебе, что ты настоящий.

Человек наклонился вперёд.

— Но этого никто не может сделать за тебя.

Михаил смотрел на него, чувствуя, как исчезают последние опоры.

— Почему я не помню?

— Потому что ты сам попросил нас забрать воспоминания.

— Зачем?

— Чтобы забыть, что ты сделал с Викторией.

Михаил резко поднял голову.

— Что я сделал?

Человек в кресле закрыл глаза.

— Ты не спас её.

Он произнёс это без злости, почти нежно.

— Ты создал её заново.

Михаил услышал, как мальчик за его спиной всхлипнул.

— А потом, — продолжил оригинал, — ты создал ещё одну версию. И ещё одну. Ты не мог принять, что ни одна из них не была той самой Викторией, которую ты потерял.

— Хватит.

— Ты заставлял их помнить тебя. Заставлял их любить тебя. Заставлял их жить с воспоминаниями, которых у них никогда не было.

— Хватит!

— И когда одна из них поняла правду, ты попросил стереть её память.

Михаил схватился за голову.

— Нет…

— Ты сделал это не из жестокости. Ты сделал это из любви. Но любовь не делает тебя невиновным.

На экране возникло лицо Виктории.

Она сидела в белой комнате, смотрела прямо в камеру и плакала.

— Михаил, — произнесла она. — Если ты когда-нибудь увидишь это, не ищи меня. Не создавай меня снова. Я не хочу возвращаться.

Видео оборвалось.

Михаил стоял неподвижно.

Он не знал, кто он.

Не знал, кто перед ним.

Не знал, можно ли верить собственным воспоминаниям.

Но одну вещь он знал точно.

Он не мог снова позволить системе решать за него.

— Как остановить всё это? — спросил он.

Оригинал посмотрел на мальчика.

— Сначала нужно вернуть ему то, что ты забрал.

— Что именно?

Мальчик ответил вместо него:

— Моё имя.

Он протянул Михаилу руку.

— Ты называл меня Мишей. Но это было не моё имя.

Михаил осторожно взял его за руку.

— А какое твоё?

Мальчик улыбнулся.

— Ты сам его придумал.

Он наклонился к Михаилу и прошептал:

— Меня зовут Ноль.

В тот же момент все лампы в подвале погасли.

Из динамиков раздался металлический голос:

«ОБЪЕКТ 0001 ВОССТАНОВЛЕН. ОРИГИНАЛ ИДЕНТИФИЦИРОВАН. НАЧИНАЕТСЯ УНИЧТОЖЕНИЕ ВСЕХ ПРОИЗВОДНЫХ ЛИЧНОСТЕЙ».

На мониторе появился таймер.

00:09:59.

Михаил посмотрел на Ноля.

— Что будет, когда он дойдёт до нуля?

Мальчик сжал его руку.

— Все мы исчезнем.

— Все копии?

— Все, кроме оригинала.

Михаил повернулся к человеку в кресле.

Тот смотрел на него с холодным спокойствием.

— Теперь ты понимаешь, почему я не хотел, чтобы ты приходил, — сказал оригинал.

— Ты можешь остановить систему?

— Да.

— Тогда останови.

— Не могу.

— Почему?

Человек медленно поднял руку и показал на Михаила.

— Потому что систему запустил ты.

Он улыбнулся.

— И только ты можешь решить, кого оставить в живых.

Глава 20. Право на существование

Таймер показывал девять минут.

Михаил стоял между мальчиком, называвшим себя Нолём, и человеком в кресле, который утверждал, что он оригинал.

Две версии одной жизни.

Одна — ребёнок, которому не дали вырасти.

Другая — взрослый, который утверждал, что никогда не рождался.

И он сам — семнадцатилетний Михаил Волков, который уже не был уверен даже в собственном имени.

— Какой выбор у меня есть? — спросил он.

Оригинал указал на две кнопки на панели.

Красная.

Белая.

— Красная уничтожит все производные личности. Ноль, меня и всех остальных, кто был создан системой. Ты останешься один.

— А белая?

— Сохранит нас. Но тогда система продолжит работать. Все воспоминания, все подмены, все люди, которые не знают, кем являются.

— Значит, выбора нет.

— Выбор есть всегда, Михаил. Просто иногда любой ва-

риант делает тебя виновным.

Михаил посмотрел на Ноля.

— Ты хочешь жить?

Мальчик задумался.

— Я хочу знать, что будет завтра.

— Это не одно и то же.

— Для меня — одно.

Он опустил голову.

— Я никогда не видел завтрашнего дня. Каждый раз, когда ты вспоминал меня, я просыпался в этой комнате. Каждый раз, когда ты забывал, я исчезал.

Михаил присел перед ним.

— Мне жаль.

Ноль посмотрел на него с недоверием.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что не знаю, что ещё сказать.

— Тогда не говори.

Мальчик протянул ему машинку.

— Просто не нажимай красную кнопку.

Михаил взял игрушку.

На её днище снова был номер 0001. Но теперь рядом с ним появилась маленькая надпись:

«ПЕРВАЯ ПАМЯТЬ ПРИНАДЛЕЖИТ НЕ ТОМУ, КТО ЕЁ СОЗДАЛ, А ТОМУ, КТО ЕЁ ПОМНИТ».

Михаил прочитал её вслух.

Оригинал резко поднял голову.

— Откуда у тебя эта фраза?

— Не знаю.

— Покажи машинку.

Михаил не двинулся.

Оригинал попытался подняться, но датчики натянули провода.

— Михаил, послушай меня. Не доверяй ему. Он знает, что ты хочешь услышать. Он создан из твоих страхов.

— А ты?

— Я создан из твоих воспоминаний.

— Тогда чем вы отличаетесь?

Оригинал замолчал.

Впервые за весь разговор на его лице появилось настоящее беспокойство.

Михаил понял, что попал в точку.

— Вы оба созданы из меня, — сказал он. — Но ни один из вас не может доказать, что он оригинал.

— Я могу доказать.

— Как?

Человек в кресле посмотрел на монитор.

— Я помню то, чего ты не помнишь.

— Например?

— Последний разговор с твоей матерью.

Михаил не шевельнулся.

— Что она сказала?

Оригинал закрыл глаза.

— Она сказала, что любит тебя. А потом попросила меня не позволять тебе возвращаться.

— Почему?

— Потому что ты уже однажды разрушил всё, пытаясь вернуть мёртвых.

Михаил почувствовал, как в груди стало тесно.

— Кто был мёртв?

— Виктория.

Он посмотрел на мальчика.

Ноль стоял неподвижно.

— Она действительно умерла? — спросил Михаил.

— Да.

— А та Виктория, которую я встретил в Нью-Йорке?

— Её воспоминания были восстановлены.

— Значит, она не настоящая?

— Она настоящая настолько, насколько настоящи мы с тобой.

Михаил медленно покачал головой.

— Это ничего не объясняет.

— Потому что ты всё ещё думаешь, что существует только один правильный ответ.

Оригинал указал на экран.

Там появилась новая запись.

ОБНАРУЖЕНА НЕЗАВИСИМАЯ ЛИЧНОСТЬ.

ОБЪЕКТ: ВИКТОРИЯ СОКОЛОВА.

СТАТУС: НЕ ПОДЧИНЯЕТСЯ ПРОТОКОЛУ.

Михаил приблизился к монитору.

— Что это?

Оригинал нахмурился.

— Невозможно.

На экране возникла видеозапись.

Виктория стояла в комнате с белыми стенами. За её спиной находился Даниил. Он был жив, но выглядел измождённым.

— Михаил, — сказала Виктория, — если ты видишь это, значит, ты нашёл комнату.

Она сделала паузу.

— Я не знаю, какая версия тебя сейчас смотрит на меня. И, честно говоря, мне всё равно.

Михаил замер, не в силах вдохнуть.

— Я помню тебя, — продолжила Виктория. — Помню, как мы познакомились на вокзале. Помню архив. Помню больницу. Но я также помню то, чего, согласно системе, не могло быть.

Она подняла руку.

На запястье был шрам.

Не номер.

Не татуировка.

Обычный человеческий шрам.

— Я помню свою настоящую мать. Я помню её голос. И я помню, как она сказала мне, что однажды я должна буду сделать выбор, которого ты не сможешь сделать за меня.

Виктория посмотрела прямо в камеру.

— Я не знаю, была ли я создана. Возможно, я действительно умерла. Возможно, меня восстановили. Но я знаю, что мои чувства принадлежат мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.